

П.И.ЧАЙКОВСКИЙ

Венный Валерий

926⁰⁰
34P5 22
МЕЛОДИЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ
ФИРМА
ГРАМПЛАСТИНОК

Kozlovsky
1953

и и т.д. и т.д.

rit.

doll!

Andante sostenuto.

8 P.I. CHAIKOVSKI Еugenie Onegin

 МЕЛОДИЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК

НД 09377-82
3 ПЛАСТИНКИ

Виньетки из 1-го и 2-го действий.

Andante sostenuto

18.07.77 г. ЛФоп 1. 3. 2085 — 25000.

Арт. 51-3. ЦЕНА 4 РУБ. 50 КОП.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЗАВОД ГРАМПЛАСТИНОК

Andante so

8 *Венный Орфей*

П.И.ЧАЙКОВСКИЙ

P. I. TCHAIKOVSKY
P. I. TCHAÏKOVSKI
P. I. TSCHAIKOWSKI

Eugene Onegin
Eugène Onéguine
Eugen Onegin

ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК „МЕЛОДИЯ“
ALL-UNION RECORDS ASSOCIATION “MELODIA”
ASSOCIATION D'ENREGISTREMENT SUR DISQUES
DE L'URSS «MELODIA»
ALLUNIONS-SCHALLPLATTENFIRMA „MELODIJA”

В/О „Международная книга“ СССР Москва
V/O “Mezhdunarodnaya kniga” SSSR Moskva

P. I. TCHAIKOVSKI
Eugène Onéguine

Scènes lyriques en trois actes (7 tableaux)

Livret de P. Tchaïkovski avec participation de K. Chilovski
TEXTE D'APRÈS A. POUCHKINE

P. I. TSCHAIKOWSKI
Eugen Onegin

Lyrische Szenen in drei Akten (7 Bilder)

Libretto von P. Tschaikowski und K. Schilowski
NACH PUSCHKIN

П. И. ЧАЙКОВСКИЙ
Евгений Онегин

Лирические сцены в 3 действиях (7 картинах)

Либретто П. Чайковского при участии К. Шиловского
ТЕКСТ ПО А. ПУШКИНУ

P. I. TCHAIKOVSKY
Eugene Onegin

Lyrical scenes in 3 acts (7 scenes)

Libretto by P. Tchaikovsky in association with K. Shilovsky
TEXT AFTER A. PUSHKIN

*Yevgeny Onegin
Karl Schilowski
A. Kozlov - Op.
V. Gerasimov - Tenor
Mikhail Petukhov cond.*

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОПЕРЫ

ВСТУПЛЕНИЕ

Оркестровое вступление к опере целиком построено на теме Татьяны — теме ее девических мечтаний, являющейся одним из главных мотивов всего произведения. Написанное в элегических тонах, вступление вводит слушателя в круг поэтических настроений, характерных для оперы в целом.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Первая картина

Усадьба Лариных. На авансцене Ларина и няня. Из раскрытых окон барского дома доносятся девичьи голоса. Это поют дочери Лариной Татьяна и Ольга (дуэт „Слыхали ль вы“). Их пение пробуждает у Лариной воспоминания о ее молодости, о том, как и она „в давно прошедшие года... певала“. Няня вторит ей. Мечтательное пение молодых голосов и неторопливая беседа Лариной и няни образуют квартет. Издалека слышен хор приближающихся крестьян, окончивших жатву („Болят мои скоры ноженьки“). Они приходят с разукрашенным снопом к бабыне и по ее просьбе затевают веселую шуточную песню и пляску („Уж как по мосту, мосточку“). На балкон выходят Татьяна и Ольга. Татьяна — „полная чистой женственной красоты девическая душа, еще не тронутая прикосновением к действительной жизни... мечтательная натура, ищущая смутно идеала и страстно горящая за ним...“ (определение, данное ей П. Чайковским в письме к Н. фон Мекк); Ольга, в противоположность Татьяне, — весела и беззаботна. Ей кажется непонятной и странной задумчивость сестры. Образ Ольги раскрывает ее ария „Я не способна к грусти томной“.

Семейную идиллию нарушает приезд гостей. Входят Ленский и Онегин. Происходит знакомство. Ларина уходит распорядиться по хозяйству. В саду остаются Ольга, Татьяна, Ленский и Онегин. (Квартет „Скажи, которая Татьяна?“). Ленский подходит к Ольге, Онегин — к Татьяне. Холодная учтивость звучит в речах Онегина. Восторгом, нежной страстью дышат слова любовного признания Ленского (ариозо „Я люблю вас“). Возвращается Ларина. „Куда же делась Таня?“ Няня отправляется на ее поиски. Ларина приглашает гостей к столу.

Темнеет. Из глубины сада показывается Онегин с Татьяной, за ними няня. „Не приглянулся ли ей барин этот новый?...“ В оркестре, постепенно затихая, звучит мелодия девичьих мечтаний Татьяны.

Вторая картина

Комната Татьяны. Ночь. Картину открывает оркестровое вступление, рисующее любовное томление Татьяны. Ей не спится.

„Расскажи мне, няня, про ваши старые года: была ты влюблена тогда?“ Простодушно звучит неторопливый рассказ няни, но Татьяна не слушает ее. Не в силах совладать с собой, она отдается своему внутреннему порыву.

Татьяна решает писать письмо Онегину и просит няню оставить ее одну.

В оркестре возникает уже знакомая тема любви Татьяны. Нарастающие короткие аккорды, прерывистый ритм рисуют внутреннее душевное состояние Татьяны.

„Пускай погибну я, но прежде
Я в ослепительной надежде
Блаженство томное зову,
Я негу жизни узнаю!“

Первый страстный порыв высказан. В оркестре снова звучит знакомая тема девических мечтаний Татьяны. „... Нет, все не то! Начну сначала!“ На фоне взволнованного ритма струнных возникает нежная мелодия гобоя. Нужные слова найдены, и девическая любовь изливается в восторженном письме: „Я к Вам пишу, чего же боле?“ Сомнения, тревоги уступают место одному чувству любви: „Но так и быть! Судьбу мою отныне я тебе вручаю...“ Сцену завершает симфоническая картина рассвета. Татьяна и не заметила, как „ночь минула“. За окном раздается свирель пастуха (соло гобоя, потом фагота).

Входит няня. Робко, не решаясь произнести заветное имя, Таня просит ее отослать письмо Онегину. Озадаченная няня уходит. Татьяна остается одна. Волнение, тревога с новой силой охватили ее.

Третья картина

Сад у Лариных. Крестьянские девушки собирают ягоды и поют песню. Кажется, ничто не может нарушить покоя и тишины. Но музыка резко меняется, приобретает взволнованный характер. Вбегает Татьяна. Она в смятении: приехал Онегин. „О боже! Что подумал он? Что скажет он?“ Появляется Онегин. Холодно и рассудительно разрушает он все надежды Татьяны, ария „Когда бы жизнь домашним кругом...“.

„Поверьте, сестра, в том порукой,
Супружество нам будет мукой.“

Татьяна молча выслушивает его нравоучения. Она подавлена. Вдали слышен хор девушек.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Первая картина

Началу сценического действия предшествует музыкальный антракт, построенный на темах Татьяны, звучавших в сцене письма. Драматическая музыка антракта непосредственно переходит в вальс: в доме Лариных бал в честь именин Татьяны. Среди гостей Ленский, Онегин. Восхищенные голоса молодежи, дамские сплетни — всё сливается в искрящуюся веселым музыку вальса. Внимание всех привлекает Онегин, танцующий с Татьяной. „Гляньте-ка! Гляньте-ка!... Ну, женишок! Как жалко Танюшу!“

„Скучающий, недовольный тем, что Ленский затащил его на „этот глухой бал“, Онегин в отместку начинает ухаживать за Ольгой. Ленский ревнует. Но подозрения своего поэта кажутся смешными его ветреной возлюбленной. Их сцену прерывает приход француза Трике. На ломаном русском языке он поет сочиненные им поздравительные куплеты Татьяне. Но вот куплеты окончены, и вновь гремит музыка танцев. Онегин подходит к Ленскому. Между ними происходит объяснение, которое переходит в ссору. Их окружают гости. Напрасно Онегин пытается остановить Ленского: „Послушай, Ленский, ты неправ...“ Уже поздно. Всё стремительно движется к роковой развязке. Вне себя Ленский бросает Онегину вызов на дуэль. Ларина в ужасе: „О боже! В нашем доме, пощадите!“ На минуту все затихает. Подхватывая слова Лариной, Ленский поет о своей светлой и чистой любви к Ольге (ариозо „В вашем доме, как сны золотые...“); с горечью он упрекает друга в бесчестном поступке, Ольгу — в коварстве. Все потрясены. На миг из общего ансамбля вырывается голос Татьяны: „Ах, терзает мне сердце тоска!...“ Ссора разгорается с новой силой. Ленский уже не владеет собой. „Вы... вы бесчестный соблазнитель!“ — бросает он Онегину.

Онегин принимает вызов.

Вторая картина

Мрачными аккордами начинается оркестровая интродукция к сцене дуэли, построенная на теме арии Ленского („Что день грядущий мне готовит?...“).

У заснеженной мельничной плотины Ленский и его секундانت Зарецкий ждут Онегина. Ленский в глубоком раздумье. В своей арии „Куда, куда, куда вы удалились?“ он поет о неизбежности судьбы и о своей любви к Ольге. Появляется Онегин с секундантом Гильо. После короткого разговора начинаются приготовления к дуэли.

„Враги! Давно ли вы от друга
Нас жаждали, князь павела?“

Как глухие удары сердца, в оркестре слышны монотонные удары литавр. „Ах! Не засмеяться ль нам, пока не обагрилася рука, не разойтись ли полюбовно?“ Но предрассудки сильнее голоса дружбы. Приготовления окончены. В оркестре звучит настроженная музыка, передающая волнение Ленского, проносятся отрывочные фразы флейты и кларнета из его ариозо „Я люблю вас...“ (И сейчас все помыслы его об Ольге.) Музыка стремительно нарастает... Выстрел. Сраженный пулей Онегина, Ленский падает. Полная скорби, в оркестре звучит мелодия предсмертной арии Ленского.

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

Первая картина

Бал в Петербурге. Звучит музыка пышного полонеза. Среди гостей возвратившийся из дальних странствий Онегин. Преследуемый мыслью о гибели Ленского, он нигде не может найти себе места. Внимание гостей привлекает появление княгини Греминой. Онегин поражен: „Ужель Татьяна?“ Татьяна, первого взгляда узнает его, но умение держать себя в обществе и свет помогает ей скрыть волнение. Онегин вступает в разговор с князем Гремным, от которого узнает, что Татьяна Лариная — его жена. Гремин говорит Онегину о своей любви к Татьяне (ария „Любовь все возрасты покорны...“) и представляет ей своего друга (в оркестре возникает тема прежней любви Татьяны к Онегину). Татьяна покидает бал. Онегин остается один. „Ужель та самая Татьяна, которой я наедине, в глухой, далекой стороне, в благом пылу нравоученья читал когда-то наставленья?“ Стремительное нарастание звучности в оркестре говорит о силе охватившего его чувства. „Увы, сомненья нет, — влюблен я; влюблен, как мальчик, полный страсти юной!...“ Мелодия страстного порыва Татьяны („Пускай погибну я“) становится теперь мелодией страстного порыва Онегина.

Вторая картина

Гостиная в доме Гремных. Еще до поднятия занавеса звучит оркестровое вступление, построенное на мелодии Татьяны. Татьяна читает письмо Онегина. Как отзвук невозвратных дней, в музыке

проходит тема девических мечтаний Татьяны. Характер музыки резко меняется, появляется Онегин. Припав к ногам Татьяны, он молит ее о прощении: „О, жальтесь... Я так ошибся, я так наказан!“

Татьяна с горечью вспоминает их объяснение в саду:

„Тогда — не правда ли? — в пустыне,
Вдали от суетной молвы,
Я вам не нравилась... Что ж ныне
Меня преследуете вы?“

Спокойный, сдержанный тон уступает место горьким упрекам, гневному порицанию. В ответ звучит страстное признание Онегина

(„Ужель, ужель в мольбе моей смиренной...“). Слезы Татьяны разряжают напряжение, и на мгновение оба предаются несбыточной мечте: „Ах! Счастье было так возможно, так близко!...“ Но судьба Татьяны решена. „Я вышла замуж. Вы должны, я вас прошу меня оставить!“ Мольбы Онегина заставляют Татьяну признаться, что она все еще любит его:

„Зачем скрывать, зачем лукавить!
Ах! Я вас люблю!...“

Но прошлого не вернуть. Отчаянием проникнуты последние слова Онегина: „Позор! Тоска! О, жалкий жребий мой!“

There is perhaps no other Russian opera which enjoys such boundless popularity in our country as P. Tchaikovsky's "Eugene Onegin" based on the novel in verse of the same name by A. Pushkin. The music of the opera, the beauty and richness of its melodies are for millions of people an inexhaustible fountain of joy and pleasure. "It is one of those rare works of art", wrote Academician B. Astafyev, "which enter so organically into our lives, which take so tenacious a hold on our very being that they become in themselves an accepted, an inevitable part of our existence, an everyday factor, but ever precious and always eliciting a tender warmth in the heart... And just as the yearly recurring blue of the corn-flower is a feast for the eyes, so are the strains of "Eugene Onegin" after a long interval a feast for the ears".

The first person to broach the subject of an opera version of "Eugene Onegin" to P. Tchaikovsky was the prima donna E. Lavrovskaya. According to the composer the idea first struck him as "preposterous", but on further thought he got so carried away with the project that "I dashed off immediately to look for Pushkin's works... read "Onegin" with the greatest pleasure and spent a totally sleepless night the result of which was the scenario to a delightful opera with Pushkin's text". "What a wealth of poetry there is in "Onegin", wrote P. Tchaikovsky to his brother Modest. "I have no illusions, I know that the opera will be short of scenic effects and movement, but the overall lyricism, humaneness and simplicity of the plot in conjunction with brilliant text more than compensate for all the shortcomings".

Work on the opera gave the author immense satisfaction. "Writing it I thrilled and palpitated with inexpressible pleasure" (letter to S. Taneyev). The libretto to the opera was written jointly with K. Shilovsky. The drafts were completed in August 1877 (less than three months' time), and the entire score was ready by January 1878.

This is a very high level of productivity, the more so as concurrently with "Eugene Onegin" Tchaikovsky was putting the finishing touches and orchestrating his Fourth symphony.

"Eugene Onegin" was not meant for a large stage. It was envisioned as a chamber piece without any "pageantry or bombastic showiness", which led the composer to refer to it modestly as "lyrical scenes". In a letter to S. Taneyev P. Tchaikovsky, defining his operatic ambitions and the character and style of "Onegin", wrote: "I am looking for an intimate but powerful drama based on a conflict of situations which I have myself experienced or witnessed and which can touch to the quick".

The composer was afraid that the imperial theatres with their traditionally "fatuous though spectacular stage productions" might vulgarize, even kill the work into which he had put so much of his heart and mind. That is why, in accordance with his expressed desire, "Eugene Onegin" was first staged at the Moscow Conservatoire on March 17/29, 1879 by its students under the baton of N. Rubinstein. The role of Tatiana was performed by M. Klimentova, of Onegin — by S. Gilev. On opening night the house was packed. The show, which at first elicited a muted response from the audience, quickly won its acclaim. As for P. Tchaikovsky's close friends (S. Taneyev, N. Rubinstein and others), they hailed the opera with enthusiasm.

At Moscow's Bolshoi Theatre "Eugene Onegin" was first staged in 1881. Tchaikovsky actively participated in all the preliminary work. Onegin was sung by the famous baritone P. Khokhlov, the best Onegin for many years to come. A landmark event in the scenic life of "Eugene Onegin" was the staging of the opera by the Moscow Bolshoi Theatre in April 1898. It was on that occasion that the part of Lensky was sung for the first time by L. Sobinov, the creator of the realist tradition in the interpretation of this image on the Russian stage.

SYNOPSIS OF THE OPERA

INTRODUCTION

The orchestral prelude to the opera is all on the theme of Tatiana's girlhood dreams and hopes, one of the central motifs of the whole work. Written in an elegiac key, the prelude attunes the listener to the lyrical mood that is the opera's hallmark.

ACT I

Scene One

The country estate of the Larins. In the proscenium are Larina and the nurse. Through the open windows of the manor-house come the voices of girls singing. These belong to Larina's daughters Tatiana and Olga (the duet "And have you heard?"). Their song awakens memories in Larina of her own youth, of how she "in years gone by did also sing." The nurse sings seconds to her. The pensive singing of the young voices and the unhurried conversation of Larina and the nurse blend into a quartet. From afar come the voices of approaching peasants celebrating the end of harvest-time ("They ache and pain, my nimble feet"). They bring an ornamental sheaf to the lady of the manor, and at her request strike up a merry, comic song and dance ("Over the bridge, the little bridge"). Tatiana and Olga appear on the balcony. Tatiana "is an angelic soul full of a chaste feminine beauty, as yet untouched, unsullied by the realities of life... a dreamy creature groping for an ideal and passionately pursuing it..." (P. Tchaikovsky in a letter to N. von Meck); Olga, on the other hand, is gay and carefree. She thinks her sister's meditateness puzzling and strange. The clue to Olga's image is in her aria "I'm not inclined to languid sadness."

The family idyll is interrupted by the arrival of guests. Enter Lensky and Onegin. Mutual introductions follow. Larina exits to make all the household arrangements. Olga, Tatiana, Lensky and Onegin remain in the garden (the quartet "Oh, say, which is Tatiana?"). Lensky steps up to Olga, Onegin to Tatiana. Onegin comports himself with frigid courtesy. Lensky's words of love breathe rapture and tender passion (the arioso "I love you"). Re-enter Larina. "Where has Tania gone?" Nurse leaves to look for her. Larina calls the guests to table.

Darkness falls. Onegin and Tatiana emerge from the depths of the garden followed by the nurse. "Has this new gentleman her fancy captured?..." The music gradually fades as it sounds the melody of Tatiana's girlhood dreams.

Scene Two

Tatiana's room. Night. The scene opens to the strains of a prelude indicating the pangs of love she is suffering. She cannot sleep.

"Oh, tell me, nurse, about your years long gone: did you know love when you were young?" The nurse responds with an artless and unhurried tale, but Tatiana isn't listening. Unable to control herself, she succumbs to her pent-up emotions.

Tatiana decides to write a letter to Onegin and asks the nurse to leave.

The orchestra again takes up the now familiar melody of Tatiana's love. Short swelling chords and an intermittent rhythm point to her inner state:

"Doom may befall me, but ere that day
I hope with all my heart and pray
For one eternal flash of bliss sublime,
For one immortal passion in my time".

The first ardent impulse has been uttered aloud. The orchestra again dwells on the familiar theme of Tatiana's girlhood reveries. "No, that's not it! I shall begin anew!" The oboe enters with a sweet melody into the emotional rhythm of the strings. Tatiana has found the long-sought-for words, and her young girlish love spills over into a rapturous letter: "To you I write, what more d'you wish?" Doubts and anxiety have given way to but one feeling — love: "Let it so be! I place my fate into your hands..." The scene culminates in a symphonic picture of the dawn. Tatiana hasn't even noticed that "the night is passed". Through the window come the strains of a shepherd's reed (solo on the oboe, then the bassoon).

Enter nurse. Tatiana, not daring to pronounce the cherished name, meekly asks her to send the letter off to Onegin. The nurse leaves, perplexed. Tatiana remains alone, again in the grips of suspense and anxiety.

Scene Three

The Larin garden. Peasant girls are picking berries and singing. Nothing, it seems, can upset the peace and quiet prevailing. But abruptly the music changes, acquires a note of excitement. Tatiana runs onto the stage. She is all confusion. Onegin has arrived. "Oh mercy! What did he think? What will he say?" Enter Onegin. Cold, sober-minded, aloof, he dashes all her hopes (the aria "If I my life had wished to limit to the domestic circle, then...")

"Believe me when I say I'm sorry;
We both will suffer if we marry."

Tatiana hears out his moralizings in silence. She is utterly dejected. Heard in the distance is a girls' chorus.

ACT II

Scene One

The scenic action is preceded by a musical interlude built around the Tatiana theme in the scene of the letter. The dramatic music of the interlude develops directly into a waltz: the Larins are giving a ball to celebrate Tatiana's name-day. Lensky and Onegin are among the guests. The elated voices of younger guests, the gossiping of the woman — all blend with the bubbling, vivacious music of the waltz. Everyone's gaze is drawn to Onegin, who is dancing with Tatiana. "Just look! Just look! My, what a beau! Heaven help the girl..."

Annoyed with Lensky for having dragged him to "this silly ball", Onegin, bored, "retaliates" by flirting with Olga. This makes Lensky jealous, but the young poet's suspicions seem laughable to his frivolous sweetheart. Their scene is interrupted by the appearance of the Frenchman Triquet who sings his own congratulatory couplets to Tatiana in broken Russian. These over, the music of the dance strikes up again. Onegin steps up to Lensky who demands an explanation. The encounter erupts into a quarrel. The guests gather round them. Onegin tries in vain to placate Lensky: "Oh, come now, Lensky, but you're wrong..." It is growing late. The situation is swiftly nearing its tragic climax. Beside himself with rage, Lensky challenges Onegin to a duel. Larina is horror-struck: "God help us! Here in my house? Have pity!" For a brief moment all is still. As if in answer to Larina's words Lensky sings his pure and radiant love for Olga (the arioso "In this your house, like golden dreams..."); he bitterly reproaches Onegin with his ignoble conduct and Olga with her perfidy. Everybody is stunned. For an instance Tatiana's voice rises above the hum of general confusion: "My heart is near breaking with grief!..." The altercation flares up with new force. Lensky no longer controls himself. "You... you are a base seducer!" — he flings the words at Onegin.

Onegin takes up the challenge.

Scene Two

The orchestral introduction to the duel scene begins on an ominous note; the leitmotif of the scene is Lensky's aria "What has this day in store for me?"

Lensky and his second Zaretsky are at a snow-covered mill-dam waiting for Onegin. Lensky is lost in deep thought. He sings of fate inexorable and of his love for Olga in the aria "Oh where, oh where, oh where have you departed, ye golden days of my spring-time?" Enter Onegin and his second Guillot. After a brief conversation they prepare for the duel.

"We feud who never have each other hated,
Two recent friends by bloodthirst separated."

Like muffled beats of the heart sound the monotonous blows of the kettledrums. "Should we not turn it all to jest before the hand is stained with blood, should we not part from here as friends?" But prejudice is stronger than friendship. All is in readiness for the duel. The music becomes apprehensive as it conveys Lensky's agitation with short phrases of a flute and clarinet from his arioso "I love you". Even now all his thoughts are about Olga. The music quickens and swells... A shot rings out. Lensky, hit by Onegin's bullet, falls. Doleful sounds the melody of Lensky's ante mortem aria.

ACT III

Scene One

A ball in St. Petersburg. The music sounds a spectacular polonaise. Among the guests is Onegin, home from a voyage to distant parts. Haunted by thoughts of Lensky's death, he cannot find peace anywhere. The attention of the guests is diverted by the appearance of Princess Gremina. Onegin is amazed. "Is she Tatiana?" Tatiana recognizes him at first glance, but accustomed to the rules of high society manages to conceal her emotions. Onegin enters into a conversation with Prince Gremin and learns from him that Tatiana is the prince's wife. Gremin speaks of his love for Tatiana (the aria "To love all ages do succumb...") and introduces Onegin to her (the music reverts to the theme of Tatiana's former love for Onegin). She leaves the ball. Onegin is now alone.

"Could this the same Tatiana be
With whom conversed I face to face
At her remote, forgotten place
And preached and lectured without need
And taught her how her life to lead?"

The crescendo pitch of the music speaks of the power of his feelings. "Alas, no doubts remain, I love; I love as madly as a boy afire with youthful passion..." The melody of Tatiana's overwhelming infatuation now becomes the melody of Onegin's ardent love.

Scene Two

A parlour in the Gremin mansion. The introduction before curtain-rise lingers on Tatiana's theme melody. She is reading a letter from Onegin. The orchestra revives the motif of her girlhood dreams, an echo of days forever gone. Abruptly the melody changes. Enter Onegin. He falls at her feet and begs forgiveness: "Have mercy... I have so erred, I am so punished!"

Tatiana recollects with pain their scene in the garden:

"Then, in the wasteland of the past,
From idle gossip sheltered by the distance,
You did not fancy me... Why, then,
Do you pursue me now with such persistence?"

Her calm, restrained tone gives way to bitter accusations and angry reproach. Onegin responds by passionately declaring his love ("Would you, would you reject my humble prayer?"). The tension is broken when Tatiana bursts into tears, and for a fleeting moment both indulge in futile dreams ("Bliss was so possible, so close at hand!..."). But Tatiana's fate is sealed. "I have a husband: you must. I do implore you, leave me!" Onegin's supplications lead Tatiana to confess that she still loves him:

"Oh why conceal it, why pretend?
Yes, yes, I love you!..."

But there is no going back to the past. Onegin's closing words are full of despair:

"Oh shame! Oh grief! Oh wretched lot of mine!"

Parmi tous les opéras russes il est difficile de citer une œuvre qui soit autant aimée dans notre pays que l'opéra de P. Tchaïkovski *Eugène Onéguine* d'après le roman en vers d'Alexandre Pouchkine. La beauté et la richesse des mélodies de cet opéra procurent une grande joie esthétique à des millions d'auditeurs. L'académicien B. Assafiev écrivait: «C'est une de ces rares œuvres d'art qui entrent si profondément dans notre vie, s'y fixent si fortement, qu'elles en deviennent elles-mêmes des facteurs indispensables, voire communs, mais elles restent toujours chères et réchauffent l'âme... Et tout comme il est plaisant de revoir au bout d'un an les bleuets, il est agréable de réentendre au bout d'un certain temps l'opéra *Eugène Onéguine*».

L'idée de composer un opéra d'après le roman en vers de Pouchkine fut donnée à Tchaïkovski par l'illustre chanteuse E. Lavrovskaja. Tout d'abord cette idée lui sembla «insensée», mais bientôt il se passionna pour elle et s'empressa de trouver les œuvres de Pouchkine... Le roman qu'il relut, le mit dans un état de forte exaltation; il passa une nuit blanche: vers le matin naissait le scénario de ce charmant opéra d'après le texte de Pouchkine. «Combien de poésie dans *Onéguine*! Je ne m'y trompe pas: je sais qu'il y aura peu d'effets scéniques et peu de mouvements dans cet opéra, — écrivait le compositeur à son frère Modeste, — mais toute la poésie, la chaleur humaine, la simplicité du sujet liées au texte génial de l'œuvre, suppléent amplement à tous les défauts possibles».

Le travail sur *Eugène Onéguine* procura au compositeur une très grande satisfaction. «J'étais au comble du ravissement et dans une extase indicible quand je composais l'opéra» (lettre à S. Taneev). Le livret fut écrit avec la participation de K. Chilovski. En août 1877 (au bout de trois mois à peine) les esquisses furent achevées et en avril 1878 la partition en fut terminée. Une telle intensité de travail est

d'autant plus étonnante que tout en composant son *Eugène Onéguine* Tchaïkovski achevait l'orchestration de sa Quatrième symphonie.

Eugène Onéguine ne devait pas être joué sur la grande scène: il était conçu comme une œuvre «de chambre», sans grands éclats, ni bruyants effets. Aussi, le compositeur lui donna le titre de «Scènes lyriques». Dans une lettre adressée à S. Taneev, le compositeur exposa les intentions qu'il voulait réaliser, ainsi que le caractère et le style d'*Eugène Onéguine*: «Je recherche un drame à la fois intime et puissant, basé sur le conflit de situations que j'ai vécues ou bien dont j'ai été le témoin et qui peuvent piquer au vif».

Le compositeur craignait que les traditions des théâtres impériaux avec leurs «mises en scènes dénuées de sens, bien que luxueuses» puissent gâter et dénaturer cette œuvre issue des profondeurs de son âme. C'est pourquoi la première mise en scène d'*Eugène Onéguine* fut réalisée, selon le désir du compositeur, par les étudiants du Conservatoire de Moscou, le 17/29 mars 1879, sous la direction de N. Rubinstein. Le rôle de Tatiana était tenu par M. Klimentova, celui d'Onéguine par S. Guilev. A la première, la salle était bondée. Le spectacle accueilli d'abord avec une certaine réserve, fut bientôt acclamé. Les amis et les proches de Tchaïkovski (S. Taneev, N. Rubinstein et les autres), firent au spectacle un accueil enthousiaste.

La première mise en scène d'*Eugène Onéguine* au Théâtre Bolshoi eut lieu en janvier 1881. Le compositeur prit une part active aux préparatifs à ce spectacle. Le rôle d'Onéguine y était tenu par le baryton P. Khokhlov (ce fut le meilleur Onéguine durant plusieurs années). La mise en scène au Théâtre Bolshoi en avril 1898 marqua une page éclatante dans l'histoire de l'opéra. Le rôle de Lenski fut chanté pour la première fois par L. Sobinov qui fut le promoteur de la tradition réaliste dans l'exécution de ce rôle sur la scène russe.

INTRODUCTION

L'introduction musicale de l'opéra est entièrement construite sur le thème de Tatiana, celui de ses rêves de jeune fille, thème qui est l'un des motifs principaux de l'œuvre. Les tons élégiaques de cette première partie nous introduisent dans l'atmosphère poétique qui caractérise tout l'opéra.

ACTE I

Premier tableau

Le domaine des Larine. Dans le jardin madame Larine et la bonne. Par les fenêtres ouvertes de la maison on entend des voix de jeunes filles. Ce sont Tatiana et Olga, les filles de Larine qui chantent une romance. Cette romance fait renaître dans l'âme de Mme Larine des images de sa jeunesse. Le chant mélancolique des jeunes voix et le duo paisible de Mme Larine et de la bonne s'unissent en un quatuor. De loin on entend le chœur des paysans qui ont fini la moisson. Les paysans apparaissent et tendent une botte de blé à leur maîtresse; sur la demande de cette dernière, les paysans entament une gaie chanson et se mettent à danser. Tatiana et Olga apparaissent au balcon. «Tatiana est une jeune fille à l'âme angélique pleine de beauté féminine pure que la vie n'a pas encore touchée... C'est une nature rêveuse, en quête d'un idéal qu'elle recherche avec passion...» (tel est le portrait que Tchaïkovski fit de l'héroïne dans sa lettre adressée à Nadejda von Meck); Olga, au contraire, est une jeune fille gaie et insouciant. Olga ne comprend pas la raison de l'humeur mélancolique de sa sœur. Le caractère d'Olga est révélé par l'air qu'elle chante: «Je ne puis pas m'abandonner à la tristesse».

L'idylle familiale est interrompue par l'arrivée des invités. Entrent Lenski et Onéguine. Présentations. Mme Larine quitte la société pour donner des ordres. Dans le jardin restent Olga, Tatiana, Lenski et Onéguine. Lenski vient près d'Olga, Onéguine se trouve près de Tatiana. Les paroles d'Onéguine sont imprégnées d'un froid respect. La déclaration que Lenski fait à Olga (arioso «Je vous aime») est pleine d'extase et d'une tendre passion. Mme Larine revient. Mais où a disparu Tatiana? La bonne va à sa recherche. Mme Larine invite les hôtes à dîner.

L'obscurité tombe. Du fond du jardin apparaissent Onéguine et Tatiana; ils sont suivis par la bonne. Cette dernière est perplexe: «Ce gentilhomme lui aurait-il plu?» La mélodie des rêves de jeune fille de Tatiana se fait entendre et s'éteint graduellement.

BREF RÉSUMÉ DU LIVRET

Deuxième tableau

La chambre de Tatiana. C'est la nuit. L'orchestre joue une introduction révélant la tristesse amoureuse de Tatiana. Le sommeil lui échappe. Tatiana s'adresse à la bonne: «Parle-moi des temps passés; as-tu aimé alors?» La bonne commence son simple et lent récit, mais Tatiana n'y prête aucune attention. Elle ne peut plus dominer ses sentiments. Elle décide d'écrire à Onéguine et prie la bonne de la laisser seule. L'orchestre joue le motif de l'amour de Tatiana. Les courts accords, le rythme accentué de la mélodie révèlent l'état d'âme de la jeune fille, son appréhension et son espérance.

C'est le premier aveu de la passion de Tatiana. A nouveau l'orchestre joue le motif des rêves de Tatiana. Tatiana écrit à Onéguine. Sur le fond des instruments à cordes apparaît la mélodie tendre du hautbois. Tatiana a trouvé les mots qu'elle cherchait, et son amour est exprimé dans une lettre pleine d'exaltation; les doutes et l'angoisse cèdent la place au seul sentiment de l'amour. La scène s'achève sur le tableau symphonique du lever du jour. On entend le pipeau d'un berger (solo du hautbois, puis du basson).

Entre la bonne. Timidement, sans oser prononcer le nom, Tatiana la prie de faire parvenir la lettre à Onéguine. Embarrassée, la bonne sort. Tatiana reste seule. L'émotion et l'inquiétude prennent à nouveau possession de son âme.

Troisième tableau

Le jardin des Larine. Les jeunes paysannes font la cueillette des baies et chantent. Il semble que rien ne peut altérer la quiétude qui règne sur cette scène. Mais, tout à coup, la musique traduit une vive émotion. Entre Tatiana. Elle est agitée. Onéguine vient d'arriver. «Mon Dieu! Qu'a-t-il pensé. Que dira-t-il?». Apparaît Onéguine. Il détruit froidement tous les rêves de Tatiana. Il lui témoigne un profond respect, mais ne partage pas ses sentiments.

Muette, Tatiana écoute ce discours édifiant. Elle est abattue. Au loin, on entend le chœur des jeunes filles.

ACTE II

Premier tableau

Le début de l'action est précédé d'un morceau musical construit sur les thèmes de Tatiana qui ont déjà résonné dans la scène de la lettre. La musique dramatique de cet entracte se transforme en une valse: nous sommes dans la maison des Larine où l'on donne un bal à l'occasion de la fête de Tatiana. Parmi les hôtes nous retrouvons Lenski et Onéguine. Les voix éclatantes des jeunes invités, les conversations des dames, tous les bruits se mêlent à la valse pétillante de joie. L'attention des personnes présentes est concentrée sur Onéguine et Tatiana qui dansent.

Onéguine s'ennuie, il est mécontent que Lenski l'ait amené à ce «stupide bal». Pour se venger, il courtise Olga. Lenski est jaloux. Mais les soupçons du jeune poète ont tort. Olga. Leur scène est interrompue par l'arrivée de M. Riquet. En mauvais russe il chante les couplets qu'il a composés à l'occasion de la fête de Tatiana. Lorsqu'il a fini de déclamer, la musique renaît à nouveau. Onéguine s'approche de Lenski. Leur explication se transforme en dispute. On les entoure. Onéguine tente vainement d'apaiser Lenski. Mais c'est trop tard. Le dénouement tragique est inévitable. Hors de lui, Lenski provoque Onéguine en duel. Mme Larine est horrifiée. Pendant quelques instants le calme est rétabli. Lenski déclare son amour, pur et élevé, qu'il éprouve pour Olga; il accuse amèrement son ami d'avoir agi malhonnêtement, et Olga de lui être infidèle. Tout le monde est stupéfait. De l'ensemble des voix, s'élève celle de Tatiana qui exprime son angoisse. La dispute éclate à nouveau. Lenski n'est plus maître de lui et il traite Onéguine d'un vil suborneur. Onéguine relève le défi.

Deuxième tableau

L'introduction à la scène du duel est dominée par de sombres accords. La musique de la scène du duel est construite sur le thème de l'air de Lenski.

Près du barrage enneigé du moulin, Lenski et Zaretski, son témoin. Lenski s'est absorbé dans ses réflexions. Dans son air Lenski évoque la cruelle fatalité et son amour pour Olga. Apparaissent Onéguine et son témoin Guillot. Après un bref échange de répliques, on procède aux préparations du duel.

Comme un sourd battement de cœur, l'orchestre fait entendre des coups monotones de timbales. Ne faut-il pas tourner l'affaire en plaisanterie? Ne faut-il pas en finir à l'amiable? Mais non! Les préjugés sont plus forts que la voix de l'amitié. Tout est prêt. La musique traduit l'agitation de Lenski. La flûte et la clarinette répètent des motifs de l'arioso de Lenski. Il pense toujours à Olga. La musique augmente en intensité et un coup de feu retentit. Lenski tombe frappé par la balle tirée par Onéguine. L'orchestre joue la triste mélodie de l'air de Lenski.

ACTE III

Premier tableau

Un bal à Saint-Petersbourg. L'orchestre joue une polonaise pleine d'éclats. Parmi les invités, Onéguine revu d'un long voyage. Poursuivi par la pensée de la mort de Lenski, Onéguine ne peut recouvrer la quiétude. L'attention des invités est attirée par l'entrée de la princesse Grephine. Onéguine est stupéfait: il a reconnu Tatiana. Tatiana, elle aussi a reconnu Onéguine, mais elle est maîtresse de ses réactions et elle dissimule son émoi. Onéguine entame une conversation avec le prince Grephine; il apprend que Tatiana est la femme du prince. Grephine parle à Onéguine de son amour pour Tatiana. Le prince présente Onéguine à sa femme (l'orchestre joue le thème de l'amour de Tatiana pour Onéguine). Bientôt Tatiana quitte le bal. Onéguine reste seul: Serait-ce cette même Tatiana à laquelle il a jadis tenu un édifiant discours? L'intensité croissante de la sonorité de l'orchestre rend la force du sentiment d'Onéguine. Il n'y a pas de doute, il aime Tatiana. La mélodie de l'amour de Tatiana devient maintenant la mélodie de l'amour passionné d'Onéguine.

Deuxième tableau

Le salon dans la maison des Grephine. Avant le lever du rideau, on entend une introduction construite sur la mélodie de Tatiana. Tatiana lit la lettre d'Onéguine. La musique évoque le thème des rêves de jeune fille de Tatiana. La musique change brusquement de caractère. Apparaît Onéguine. Il tombe à genoux aux pieds de Tatiana. Il la supplie de lui pardonner.

Tatiana se souvient avec amertume de leur explication dans le jardin. Le ton calme et réservé de Tatiana cède la place aux amers et violents reproches. En réponse, Onéguine déclare passionnément son amour. Les larmes de Tatiana détendent l'atmosphère et tous deux se mettent à rêver. L'amour était si prêt d'eux! Mais la destinée de Tatiana est déjà faite, elle est mariée, Onéguine doit la laisser. Mais répondant aux prières d'Onéguine, Tatiana reconnaît qu'elle l'aime toujours. Hélas! On ne peut pas ressusciter le passé. Les dernières paroles d'Onéguine sont pleines de désespoir. Il maudit sa triste destinée.

In der russischen Opernliteratur ist kaum ein anderes Werk zu nennen, das in unserem Lande so beliebt wäre, wie die Oper „Eugen Onegin“ von P. Tschaikowski, die nach dem gleichnamigen Roman Puschkins geschaffen wurde. Die prachtvolle Musik bietet in ihrem Melodienreichtum Millionen Menschen ein großes künstlerisches Erlebnis. „Eugen Onegin“ ist eines der seltensten Kunstwerke — schrieb Akademiemitglied B. Assafjew — die so tief in unserem Leben eingewurzelt sind, so fest darin haften, daß sie selbst zu einem der unentbehrlichen Lebensfaktoren werden, die uns zwar alltäglich erscheinen, dafür aber für immer teuer bleiben und immer herzerwärmend wirken... Wie unser Auge nach einem ganzen Jahr mit neuer Freude das Blau einer Kornblume erblickt, genießt unser Ohr nach langer Zeit diese Musik immer wieder von Neuem.“

Auf den Gedanken, diese Oper zu schreiben, brachte P. Tschaikowski die bekannte Opernsängerin E. Lawrowskaja. Im ersten Augenblick kam ihm diese Idee, nach seinem eigenen Ausdruck „wild“ vor, im nächsten aber war er davon so hingerissen, daß er „sofort nach den Werken von Puschkin griff und den „Eugen Onegin“ durchlas“. „Als Ergebnis dieser schlaflosen Nacht entstand das Szenarium einer reizenden Oper mit Puschkins Text.“ „Welch einen Reichtum an Poesie enthält „Eugen Onegin“! — schrieb P. Tschaikowski an seinen Bruder Modest — „Ich habe keine Illusionen, ich weiß, daß es in dieser Oper an Bühneneffekten sowie an szenischer Handlung mangeln wird, aber die Poesie und Humanität des Stoffes, das schlichte Sujet und der geniale Text ersetzen diese Mängel vollauf“.

Die Arbeit am „Eugen Onegin“ brachte dem Autor die größte Genugtuung. „Ich verging und zitterte vor Freude, solange ich diese Oper schrieb“ (aus einem Brief an S. Tanejew). Das Libretto schrieb der Komponist selbst, in Zusammenarbeit mit K. Schilowski. Im August 1877 (etwa in drei Monaten also) waren die ersten Skizzen der Oper schon fertig; im Januar 1878 war auch die Partitur vollkommen bereit. Diese Schaffenskraft von P. Tschaikowski ist um so mehr zu bewundern, da er gleichzeitig seine IV. Sinfonie beendete und instrumentierte.

„Eugen Onegin“ war nicht für eine große Bühne bestimmt; eher war diese Oper als ein Kammerstück „ohne Glanz und schmetternde Effekte“ gedacht. Aus diesem Grunde hat der Komponist sein Werk bescheiden „Lyrische Szenen“ genannt. In einem Brief an S. Tanejew, in dem Tschaikowski das Wesen seiner schöpferischen Ziele im Genre der Oper sowie die Eigenart und den Stil von „Eugen Onegin“ bestimmte, schrieb er: „Ich suche nach einem starken, intimen Drama, das aus einem von mir selbst erlebten oder beobachteten Situationskonflikt entstände, nach solchem Drama, das den Menschen tief ergreift“.

P. Tschaikowski befürchtete, daß die Traditionen der Kaiserlichen Theater mit deren „sinnlosen, obwohl prachtvollen Aufführungen“ dieses Werk, das aus den tiefsten Tiefen seiner Seele hervorgeströmt war, verderben und verflachen könnten. Darum fand die Erstaufführung von „Eugen Onegin“ nach dem Wunsch des Autors im Moskauer Konservatorium statt; am 17. (29) März 1879 wurde die Oper bei Mitwirkung der Studenten des Konservatoriums unter der Stabführung von N. Rubinstein zum erstenmal aufgeführt; die Rolle von Tatjana spielte M. Klimentowa, die des Onegin — S. Gilew. Der Zuschauer-raum bei dieser Premiere war überfüllt. Zuerst etwas zurückhaltend vom Publikum empfangen, wurde die Oper bald zu einem großen Erfolg. Die Freunde von P. Tschaikowski (S. Tanejew, N. Rubinstein und andere) waren für „Onegin“ begeistert.

Im Grossen Theater in Moskau wurde „Eugen Onegin“ zum erstenmal im Jahre 1881 gespielt. Tschaikowski hatte einen großen Anteil an der Vorbereitung dieser Aufführung. Die Partie des Onegin sang der berühmte Bariton P. Chochlow, der für lange Jahre als bester Onegin galt. Zum größten Ereignis in der Bühnengeschichte dieser Oper wurde ihre Aufführung im Moskauer Bolschoi Theater im April 1898. Damals sang die Lenski-Partie zum erstenmal L. Sobinov — der Begründer einer realistischen Interpretationsweise dieser Figur auf der russischen Bühne.

INHALT DER OPER (KURZFASSUNG)

OUVERTÜRE

Die Ouvertüre beruht völlig auf dem Thema der Tatjana, ihrer Mädchenträume, die eines der Leitmotive des ganzen Werkes sind. Im elegischen Ton geschrieben, führt sie den Hörer in die für die Oper charakteristische und bestimmende poetische Atmosphäre ein.

ERSTER AKT

Erste Szene

Larins Gutshof. Auf der Vorbühne sieht man Larina und die Kinderfrau. Aus den offenstehenden Fenstern des Herrenhauses sind Mädchenstimmen zu hören: es singen beide Töchter der Larina — Tatjana und Olga (das Duett „Haben Sie gehört?“). Dieses Singen läßt sich Larina an ihre Jugend erinnern, daran, wie sie einst auch gesungen hat (Duett der Larina und der Kinderfrau; die Kinderfrau singt die zweite Stimme). Das träumerische Singen der jugendlichen Stimmen und die langsame Unterhaltung Larinas mit der Kinderfrau bilden ein Quartett. Von weitem hört man den Chor zurückkommender Bauern, die mit der Ernte fertig sind. Sie bringen ihrer Gutsherrin eine geschmückte Garbe und singen auf ihre Bitte ein scherzhaftes, von Tanz begleitetes Volkslied. Auf den Balkon treten Tatjana und Olga.

„Tatjana — eine Mädchenseele — voll reiner weiblicher Schönheit, vom wirklichen Leben noch völlig unberührt... eine träumerische Natur, die vage nach einem Ideal sucht und sich leidenschaftlich nach diesem Ideal sehnt“, — so charakterisiert sie P. Tschaikowski in einem Brief an N. von Meck; Olga, im Gegenteil, ist lustig und sorgenfrei; die Nachdenklichkeit der Schwester kommt ihr unbegreiflich und sonderbar vor. Ihr Charakter kommt in der Arie „Zur träumerischen Wehmut bin ich nicht geneigt“ völlig zum Ausdruck.

Das Familienidyll wird durch einen Besuch Lenskis und Onegins unterbrochen. Gegenseitige Vorstellung. Larina verschwindet, um nötige Anordnungen zu treffen. Im Garten bleiben Olga, Tatjana, Lenski und Onegin (das Quartett „Wer war Tatjana von den beiden?“). Lenski tritt an Olga, Onegin an Tatjana heran, mit der er höflich und sehr kühl spricht. Die Liebeserklärung Lenskis atmet Begeisterung, Zärtlichkeit und Leidenschaft (Arioso „Ich liebe Sie, Olga“). Larina kommt zurück. „Wo ist denn Tanja?“ Die Kinderfrau geht auf die Suche. Larina bittet die Gäste zu Tisch.

Zweite Szene

Es dunkelt. Aus der Tiefe des Gartens kommen Onegin mit Tatjana, von der Kinderfrau gefolgt. „Hat ihr der neue Herr vielleicht gefallen?“ Im Orchester ist die langsam verhallende Melodie Tatjanas Mädchenträume zu hören.

Tatjanas Schlafzimmer. Es ist Nacht. Die Szene beginnt mit einem Orchesterauftakt, der das Liebesschmachten der Tatjana schildert. Tatjana kann nicht schlafen:

„Erzähl' doch, Kinderfrau, mir
Was ihr in alten Zeiten triebt;
Und warst du damals recht verliebt?“

Treuherzig ist die langsame Erzählung der Kinderfrau, Tatjana aber hört ihr nicht zu. Sie kann sich weiter nicht beherrschen und gibt ihrem inneren Leidenschaftsausbruch nach. Sie entschließt sich an Onegin zu schreiben und bittet die Kinderfrau, sie allein zu lassen. Im Orchester ertönt das schon bekannte Thema der Liebe Tatjanas. Anwachsende kurze Akkorde schildern ihren verwirrten Seelenszustand.

Damit ist der erste leidenschaftliche Ausbruch zum Ausdruck gekommen. Im Orchester ertönt wieder das Thema Tatjanas Mädchenträume. „Das war nicht recht, beginn' von neuem“.

Aus dem Hintergrund eines erregten Streichinstrumentenrhythmus erhebt sich eine zarte Oboemelodie. Die richtigen Worte sind gefunden. Die Mädchenliebe kommt in einem begeisterten Brief zum Ausdruck: „Ich schreibe Ihnen, ausgesprochen ist damit alles.“

Zweifel und Unruhe geben der Liebe nach: „Sei's drum! Vertrauen will mein Los ich fortan Dir“. Ein sinfonisches Bild der Morgendämmerung vollendet die Szene. Tatjana hat nicht gemerkt, daß „Das Morgenrot schaut durch die Scheiben, sie richtet nicht das Köpchen auf“. Sie hört durch's Fenster die Hirtenflöte (Solo der Oboe, dann des Fagotts).

Die Kinderfrau kommt ins Zimmer. Scheu, ohne den lieben Namen zu nennen, bittet Tatjana, ihren Brief an Onegin abzuschieken. Mit dem Auftrag geht die besorgte Kinderfrau davon. Tatjana bleibt allein; mit neuer Kraft packen sie Aufregung und Unruhe.

Dritte Szene

Larins Garten. Die Bauernmädchen sammeln Beeren und singen dabei. Nichts scheint die Stille und Ruhe stören zu können. Plötzlich aber ändert sich die Musik, sie wird aufrührend. Tatjana kommt. Sie ist durch Onegins Ankommen verwirrt. „Eugen! Gekommen! Ach, Gott, was hat er nur gedacht!“ Onegin erscheint auf der Bühne. Kalt und bedenkend ruiniert er Tatjanas Hoffnungen (die Arie: „Ginge mein Wunsch nach einem Leben im häuslichen Familienkreis...“).

„Und mein Gewissen kann's sonst bürgen, die Ehe würde uns nur würgen.“ Tatjana hört sich seine Moralpredigt schweigend an. Sie ist bedrückt. Von weitem ist der Mädchenchor zu hören.

ZWEITER AKT

Erste Szene

Der Bühnenhandlung geht ein Orchesterauftakt voran, der mit Tatjanas Themen, die schon in der Briefszene zu hören waren, aufgebaut ist. Das Dramatische dieser Musik geht unmittelbar in einen Walzer über. Im Larins Hause wird der Namenstag Tatjanas gefeiert. Es beginnt ein Ball. Unter den Gästen sind Lenski und Onegin. Begeisterte Stimmen der jungen Leute, das Geschwätz der Damen — alles vereinigt sich in einem freudeprühenden Walzer. Die Aufmerksamkeit aller Gäste zieht auf sich der mit Tatjana tanzende Onegin. „Seht mal, ein Bräutigam für Tanja! Sie tut ja leid!“

Onegin langweilt sich und ist unzufrieden, daß er sich von Lenski auf diesen dummen Ball bringen ließ. So beginnt er aus Rache, Olga den Hof zu machen. Lenski wird eifersüchtig. Aber Eifersucht und Verdacht des jungen Träumers kommen der leichtsinnigen Olga lächerlich vor. Die Szene der beiden wird durch das Eintreffen des Franzosen M. Triquet unterbrochen. In gebrochenem Russisch singt er Tatjana selbstverfasste Gratulationscouplets. Als nun die Couplets zu Ende sind, ertönt die Tanzmusik wieder. Onegin tritt an Lenski heran; es folgt eine Auseinandersetzung zwischen den beiden, die bald in einen Streit übergeht. Die Gäste umringen sie. Umsonst aber bemüht sich Onegin, seinen Freund zu beruhigen: „Hör' Lenski, du hast ja nicht recht“. Es ist schon zu spät. Unaufhaltsam geht die Sache ihrem fatalen Ende entgegen. Außer sich vor Wut, fordert Lenski seinen ehemaligen Freund zum Duell heraus. Larin ist verzweifelt: „In meinem Hause, O Gott!“

Für eine Weile verstummt alles. Larins Worte aufgreifend, singt Lenski über seine reine und seltsame Liebe zu Olga (Arioso „In Ihrem Hause...“). Erbittert wirft er seinem Freund dessen unehrliches Benehmen und Olga ihre Hinterlist vor. Alle sind ratlos. Für einen Augenblick läßt sich in diesem gemeinsamen Ensemble Tatjanas Stimme hören: „O, schwerer Stein liegt mir am Herzen“, dann entbrennt der Streit mit neuer Kraft. Lenski kann sich nicht weiter beherrschen. „Sie sind ja ehrenlos! Sie sind ein Verführer!“ — das sind seine letzten Worte an Onegin.

Onegin nimmt die Herausforderung an.

Zweite Szene

Mit finsternen Akkorden beginnt die Orchestereinleitung zur Szene des Duells, der das Thema von Lenskis Arie „Was wird der nächste Tag mir geben?...“ zugrunde gelegt ist.

Neben dem schneebedeckten Mühlendamm wartet Lenski mit seinem Sekundanten Sarezky auf Onegin. Lenski ist tief in seine Gedanken versunken. In seiner Arie „Wohin wollt ihr gehen, ihr Tage goldner Frühlingszeit?“ singt er über das unvermeidliche Schicksal und über seine Liebe zu Olga. Es erscheint Onegin und sein Sekundant Guillot. Nach einem kurzen Gespräch beginnen die Vorbereitungen zum Duell.

„Feinde, wie lang' schon voneinander
Hat sie verscheut der Durst nach Blut?“

Gleich dumpfen Herzensschlägen ertönen im Orchester die monotonen Schläge der Pauke:

„Wär's noch nicht Zeit zu lachen, eh'
Die Hand besudelt Blut und Weh, ...“

Die Vorurteile sind aber stärker als die Stimme der Freundschaft. Die Vorbereitungen sind zu Ende. Im Orchester hören wir eine gespannte Musik, die die Aufregung Lenskis schildert; es ertönen vereinzelte Klänge der Flöte und der Klarinette aus dem Lenski-Arioso „Ich liebe Sie, Olga“ (Auch in diesem Augenblick sind alle Gedanken Lenskis bei Olga). Die Musik wächst stürmisch an. Man hört einen Schuß. Von Onegins Kugel getroffen, sinkt Lenski zu Boden. Im Orchester ertönt die schmerzvolle Melodie der Todesarie Lenskis.

DRITTER AKT

Erste Szene

Ein Ball in Petersburg. Das Orchester spielt eine glänzende Polonaise. Unter den Gästen ist auch aus einer langen Reise zurückgekehrter Onegin zu sehen. Ständig durch den Gedanken an Lenskis Tod verfolgt, findet er sich nirgends Ruhe. Die Aufmerksamkeit der Anwesenden wird durch die Erscheinung der Fürstin Gremina gefesselt. „Ist möglich, ... daß sie es wäre?“ Tatjana erkennt ihn auf den ersten Blick, aber die Kunst einer Dame von Welt, sich in der Gesellschaft zu beherrschen, hilft ihr, ihre Aufregung geheimzuhalten. Onegin beginnt, sich mit dem Fürsten Gremin zu unterhalten und erfährt, daß er mit Tatjana verheiratet ist. Gremin erzählt von seiner Liebe zu Tatjana (Arie „Ein jedes Alter folgt der Liebe“) und stellt Onegin seiner Gattin vor (im Orchester ertönt das Thema der früheren Liebe Tatjanas zu Onegin). Tatjana verläßt den Ball. Onegin bleibt allein.

„War das die nämliche Tatjana,
Der, als er einst allein sie fand ...
Die Sittenpredigt voller Feuer
Ihr vorgetragen ungeheuer ...“

Ungestüm anwachsende Tonfülle des Orchesters hat die Stärke des ihm ergreifenden Liebesgefühls auszudrücken: „Ich liebe, ach, wer kann's bestreiten, Tatjana“. Die Melodie des Liebesausbruchs Tatjanas „See's drum!“ drückt die Onegin ergreifende Leidenschaft aus.

Zweite Szene

Ein Gastzimmer im Gremins Hause. Der Vorhang geht noch nicht auf, das Orchester spielt einen Auftakt, der auf Tatjanas Melodie beruht. Tatjana liest Onegins Brief. Als Nachklang vergangener Tage ertönt im Orchester das alte Thema der Mädchenträume Tatjanas. Die Musik verändert sich plötzlich, als Onegin ins Zimmer tritt. Er fällt Tatjana zu Füßen und bittet um Vergebung: „Mein Gott! wie sehr irrt' ich, wie sehr ward ich gerichtet.“ Tatjana erinnert sich mit Erbitterung an ihr damaliges Gespräch im Garten:

„Damals, nicht wahr, im öden Norden
Mißfiel ich ihnen bis zuletzt ...
Was ist dies anders nun geworden,
Warum verfolgen Sie mich jetzt?“

Ihr ruhiger, beherrschter Ton weicht bitteren Vorwürfen, einem zornigen Tadel. Als Antwort singt Onegin seine leidenschaftliche Arie „In meinem demütigen Flehen“... Tatjanas Tränen lösen die Spannung; für einen kurzen Augenblick hängen beide unerfüllbaren Träumen nach: „Und dabei war das Glück so denkbar, so nah gewesen...“ Tatjanas Schicksal aber ist entschieden: „So ward ich Frau. Sie müssen nun, ich bitte Sie, gehn, und zwar freiwillig.“ Onegins Flehen zwingt Tatjana ein Geständnis ab, daß sie Onegin immer noch liebt: „Ich lieb' Sie (leugnen wär' zu billig).“

Die Vergangenheit läßt sich aber nicht ändern. Verzweifelt klingt Onegins letzten Satz: „O Bang! O Scham! Das wäre jetzt mein Los!“

ЛИБРЕТТО

ВСТУПЛЕНИЕ

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Первая картина

Сад при усадьбе Лариной. В саду дом с террасой. Вдали виднеется село. Вечерет. Ларина сидит под деревом и варит варенье. Няня Филиппевна ей помогает. Двери на террасу открыты. Из дома слышно пенье.

Татьяна и Ольга

Слышали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук — унылый и простой —
Слышали ль вы?

Ларина

Они поют... и я, бывало,
В давно прошедшие года —
Ты помнишь ли? — и я певала...

Няня

Вы были молоды тогда!

Татьяна и Ольга

Вдохнули ль вы, внимая тихий
Певца любви, певца своей
Когда в лесах вы юношу видали,
Встречая взор его потухших
Вдохнули ль вы?

Вместе

Няня

Вы были молоды тогда!
Вы были молоды тогда!

Ларина

Как я любила Ричардсона!
Не потому, чтобы прочла,
Но в старину княжна Алина,
Моя московская кузина,
Твердила часто мне о нем.

Няня

Да помню, помню!
В то время был еще жених
Супруг ваш... Но вы поневоле
Тогда мечтали о другом,
Который сердцем и умом
Вам нравился гораздо боле.

Ларина

Ах, Грандисон, ах, Ричардсон!
Ах, Грандисон, ах, Ричардсон!
Ведь был он славный франт,
Игрок и гвардии сержант.

Няня

Давно прошедшие года.

Ларина

Как я всегда была одета!

Няня

Всегда по моде.

Ларина

Всегда по моде и к лицу.

Няня

Всегда по моде и к лицу.

Ларина

Но вдруг, без моего совета...

Няня

Свезли внезапно вас к венцу,
Потом, чтобы развеять горе,
Сюда приехал барин вскоре...
Вы тут хозяйством занялись
Привыкли — и довольны стали.

Ларина

Ах, как я плакала сначала!
С супругом чуть не развелась!
Потом хозяйством занялась,
Привыкла — и довольна стала.

Няня

И слава богу!

Ларина и Няня

Привычка свыше нам дана —
Замена счастию она,
Да, так-то, так!
Привычка свыше нам дана —
Замена счастию она.

Ларина

Корсет, альбом, княжну Полину,
Стихов чувствительных тетрадь —
Я все забыла...

Няня

Стали звать Акулькой
Прежнюю Селину,
И обновили, наконец...

Ларина

Ах!

Ларина и Няня

На вате шлафрок и чепец.
Привычка свыше нам дана —
Замена счастию она.
Да, так-то, так!
Привычка свыше нам дана —
Замена счастию она.

Ларина

Но муж меня любил сердечно...

Няня

Но барин вас любил сердечно...

Ларина

Во всем мне верил он беспечно.

Няня

Во всем вам верил он беспечно.

Ларина и Няня

Привычка свыше нам дана,
Замена счастию она.

Слышна издали песня крестьян.

Запевала

Болят мои скоры ноженки
Со походухи...

Крестьяне

Скоры ноженки со походухи.

Запевала

Болят мои белы рученьки
Со работухи...

Крестьяне

Белы рученьки со работухи.
Щемит мое ретивое сердце
Со работухи.
Не знаю, как быть,
Как ^{любезного} ^{любезную} забыть.
Болят мои скоры ноженки
Со походухи...
Скоры ноженки со походухи.
Болят мои белы рученьки
Со работухи...
Белы рученьки со работухи.

Крестьяне входят в сад. Впереди несут разукрашенный сноп.

Крестьяне (кланяясь Лариной)

Здравствуй, матушка-барыня!
Здравствуй, наша кормилица!
Вот мы пришли к твоей милости,
Сноп принесли разукрашенный:
С жатвой покончили мы!

Ларина

Что ж, и прекрасно! Веселитесь!
Я рада вам.
Пропойте что-нибудь повеселей!

Крестьяне

Извольте, матушка!
Потешим барыню!
Ну, девки, в круг сходитесь!
Ну, что ж вы? Становитесь, становитесь!

Начинается песня с пляской.

Уж как по мосту-мосточку,
По калиновым досочкам, —
Вай-ну, вай-ну, вай-ну, вай-ну, —
По калиновым досочкам.
Тут и шел-прошел детина, —
Словно ягода-малина, —
Вай-ну, вай-ну, вай-ну, вай-ну, —
Словно ягода-малина.

Татьяна и Ольга появляются на балконе.

На плече несет дубинку,
Под полый несет волынку, —
Вай-ну, вай-ну, вай-ну, вай-ну, —
Под полый несет волынку,
Под другой несет гудочек.
Догадайся, мил-дружочек!
Вай-ну, вай-ну, вай-ну, вай-ну, —
Догадайся, мил-дружочек!
Солнце село. Ты не спишь ли?
Либо выйти, либо вышли, —
Вай-ну, вай-ну, вай-ну, вай-ну, —
Либо выйти, либо вышли.
Либо Сашу, либо Машу,
Либо душечку Парашу, —

Вай-ну, вай-ну, вай-ну, вай-ну, —
Либо душечку Парашу.
Либо Сашу, либо Машу,
Либо душечку Парашу,
Либо Сашу, либо Машу,
Либо душечку Парашу.
Парашенька выходила,
С милым речи говорила, —
Вай-ну, вай-ну, вай-ну, вай-ну, —
С милым речи говорила:
Не бессудь-ка, мой дружочек, —
В чем ходила, в том и вышла:
В худенькой во рубашонке,
Во короткой понижонке, —
Вай-ну, вай-ну, вай-ну, вай-ну, —
В худенькой во рубашонке,
Во короткой понижонке, —
Вай-ну!

Крестьяне снова кланяются Лариной, она подходит к ним и беседует с ними.

Татьяна (с книгой в руках)

Как я люблю под звуки песен этих
Мечтами уноситься иногда куда-то,
Куда-то далеко...

Ольга

Ах, Таня, Таня!
Всегда мечтаешь ты. А я так не в тебя, —
Мне весело, когда я пенье слышу.

(Приплясывая.)

Уж как по мосту-мосточку,
По калиновым досочкам...

(Подбегает, ласкаясь, к матери)

Я не способна к грусти томной,
Я не люблю мечтать в тиши,
Иль на балконе ночью темной
Вздыхать, вздыхать,
Вздыхать из глубины души.
Зачем вздыхать, когда счастливо
Мои дни юные текут!
Я беззаботна и шаловлива,
Меня ребенком все зовут.
Мне будет жизнь всегда, всегда мила,
И я останусь, как прежде,
Подобно ветреной надежде,
Резва, беспечна, весела.
Подобно ветреной надежде,
Резва, беспечна, весела.
Я не способна к грусти томной,
Я не люблю мечтать в тиши,
Иль на балконе ночью темной
Вздыхать, вздыхать,
Вздыхать из глубины души.
Зачем вздыхать, когда счастливо
Мои дни юные текут?
Я беззаботна и шаловлива,
Меня ребенком все зовут.

Няня с Татьяной отдаляются от остальных.

Ларина (лаская Ольгу)

Ну ты, моя вострушка,
Веселая и резвая ты пташка!

Я думаю, — плясать сейчас готова,
Не правда ли?

К стоящей подаль Татьяне подходит Няня.

Няня

Танюша, а, Танюша! Что с тобой?
Уж не больна ли ты?

Татьяна

Нет, няня, — я здорова.

Ларина (обращаясь к крестьянам)

Ну, милые, спасибо вам за песни!
Ступайте к флигелю!

(Няне.)

Филиппевна,
А ты вели им дать вина.

(Крестьянам.)

Прощайте, други!

Крестьяне

Прощайте, матушка!

Крестьяне уходят. Вслед за ними — Няня. Татьяна садится на ступеньки террасы и углубляется в книгу.

Ольга (Лариной)

Мамаша, посмотрите-ка на Таню!

Ларина (подходя к Татьяне)

А что?

(Вглядывается в Татьяну.)

И впрямь, мой друг,
Бледна ты очень!

Татьяна

Я всегда такая, —
Вы не тревожьтесь, мама!
Очень интересно то, что читаю.

Ларина (смеясь)

Так оттого бледна ты?

Татьяна

Да как же, мама: повесть мук сердечных
Влюбленных двух меня волнует,
Мне так жаль их, бедных!
Ах, как они страдают,
Как они страдают!

Ларина

Полно, Таня!
Бывало, я, как ты,
Читая книги эти, волновалась.
Все это вымысел!
Прошли года, и я увидела,
Что в жизни нет героев,
Покойна я...

Ольга

Напрасно так покойны!
Смотрите: фартук ваш вы снять забыли!
Ну, как придет Ленский, — что тогда?

Ольга смеется. Ларина торопливо снимает фарук.

Чу! Подъезжает кто-то... Это он!

Ларина

И в самом деле!

Татьяна (*смотря с террасы*)

Он не один...

Ларина

Кто б это был?

Вбегает Няня вместе с Казачком.

Няня

Сударыня, приехал Ленский барин,
С ним господин Онегин!

Татьяна

Ах! Скорее... убегу!

Хочет бежать. Ларина ее останавливает.

Ларина

Куда ты, Таня?
Тебя осудят!...
Батюшки, а чепчик мой на боку!...

Ольга (*Лариной*)

Велите же просить!

Ларина (*Казачку*)

Проси скорей, проси!

Казачок убегает. Все в величайшем волнении приготавливаются встретить гостей. Входят Онегин и Ленский. Ленский подходит к руке Лариной и почтительно кланяется девицам.

Ленский

Mesdames! Я на себя взял смелость
Привести приятеля! Рекомендую вам:
Онегин, мой сосед!

Онегин

Я очень счастлив!

(*Холодно кланяется.*)

Ларина

Помилуйте, мы рады вам; присядьте!
Вот дочери мои.

Онегин (*кланяясь девицам*)

Я очень, очень рад!

Ларина

Войдемте в комнаты!
Иль, может быть, хотите
На вольном воздухе остаться?
Прошу вас, без церемоний будьте:
Мы соседи, так нам чиниться нечего!

Ленский

Прелестно здесь!
Люблю я этот сад, укромный и тенистый!
В нем так уютно!

Ларина

Прекрасно!

(*Дочерям.*)

Пойду похлопотать я в доме по хозяйству,
А вы гостей займите... я сейчас!

Ларина уходит. Ленский и Онегин, беседуя, отходят в сторону. Ольга с любопытством разглядывает Онегина. Татьяна стоит одна, взволнованная и пораженная.

Татьяна

Я дождалась, открылись очи!
Я знаю, знаю: это он!
Увы, теперь и дни и ночи,
И жаркий одинокий сон,
Всё, всё наполнит образ милый;
Без умолку волшебной силой
Всё будет мне твердить о нем
И душу жечь любви огнем!
Всё будет мне твердить о нем
И душу жечь любви огнем!

Ольга

Ах, знала, знала я,
Что появление Онегина
Произведет на всех
Большое впечатленье
И всех соседей развлечет:
Пойдет догадка за догадкой,
Все станут толковать украдкой,
Шутить, судить не без греха!
Пойдет догадка за догадкой,
Все станут толковать украдкой,
Шутить, судить не без греха
И Тане, и Тане прочить жениха!
Пойдет догадка за догадкой,
И станут Тане прочить жениха!

Онегин

Скажи, которая Татьяна, —
Мне очень любопытно знать.

Ленский

Да та, которая грустна
И молчалива, как Светлана!

Онегин

Неужто ты влюблен в меньшую?

Ленский

А что?

Онегин

Я выбрал бы другую,
Когда б я был, как ты, поэт!

Ленский

Ах, милый друг, волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой!
Волна и камень, лед и пламень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой,
Как мы взаимной разнотою!
Волна и камень, лед и пламень,
Стихи и проза не столь различны
меж собой,

Как мы взаимной разнотою!

Онегин (*про себя*)

В чертах у Ольги жизни нет,
Точь-в-точь в Вандиковой

Мадонне:

Вместе

Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне.
Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне.
Я выбрал бы другую!

Ленский подходит к Ольге, Онегин довольно бесцеремонно рассматривает Татьяну, которая стоит, опустив глаза, потом подходит к ней и занимается разговором.

Ленский (*с воодушевлением*)

Как счастлив, как счастлив я:
Я снова вижусь с вами!

Ольга

Вчера мы виделись, мне кажется!

Ленский

О да! Но все ж день целый,
Долгий день прошел в разлуке,
Это вечность!

Ольга

Вечность!
Какое слово страшное!
Вечность — день один!

Ленский

Да, слово страшное,
Но не для моей любви!

Ленский и Ольга уходят в сад.

Онегин (*обращаясь к Татьяне с холодной
учтивостью*)

Скажите мне, я думаю,
Бывает вам прескучно здесь, в глуши,
Хотя прелестной, но далекой?
Не думаю, чтоб много развлечений
Дано вам было.

Татьяна

Я читаю много.

Онегин

Правда,
Дает нам чтение бездну пищи
Для ума и сердца,
Но не всегда сидеть нам можно с книгой!

Татьяна

Мечтаю иногда, бродя по саду...

Онегин

О чем же вы мечтаете?

Татьяна

Задумчивость — моя подруга
От самых колыбельных дней.

Онегин

Я вижу — вы мечтательны ужасно,
И я таким когда-то был!

Онегин и Татьяна проходят в другую сторону сада. Из аллеи появляются Ольга и Ленский.

Ленский (*горячо, страстно*)

Я люблю вас,
Я люблю вас, Ольга,
Как одна безумная душа поэта
Еще любить осуждена:

Всегда, везде одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль!
Я отрок был, тобой плененный,
Сердечных мук еще не знав,
Я был свидетель умиленный
Твоих младенческих забав!
В тени хранительной дубравы
Я разделял твои забавы, ах!
Я люблю тебя, я люблю тебя,
Как одна душа поэта только любит:
Ты одна в моих мечтаньях,
Ты одно мое желанье,
Ты мне радость и страданье.
Я люблю тебя, я люблю тебя,
И никогда, ничто: ни охлаждающая даль,
Ни час разлуки, ни веселья шум —
Не отрывают души,
Согретой девственным огнем любви!

Ольга

Под кровом сельской тишины
Росли с тобою вместе мы...
И, помнишь, прочили венцы
Уж в раннем детстве нам с
тобой

Вместе

Наши отцы.

Ленский

Я люблю тебя!
Я люблю тебя, люблю тебя!

На террасу выходят Ларина с Няней. Темнеет.

Ларина

А, вот и вы!
Куда же делась Таня?

Няня

Должно быть у пруда гуляет с гостем.
Пойду ее покликать.

Ларина

Да скажи-ка ей,
Пора-де в комнаты, гостей голодных
Попотчевать, чем бог послал.

Няня уходит.

(*Ленскому.*)

Прошу вас, пожалуйста!

Ленский

Мы вслед за вами!

Ларина, Ольга и Ленский уходят в дом. Из сада появляются Татьяна и Онегин, позади них медленно идет Няня.

Онегин

Мой дядя — самых честных правил.
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.
Его пример — другим наука.
Но боже мой, какая скука
С больным сидеть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!

Татьяна и Онегин входят в дом.

Няня (*глядя им вслед*)

Моя голубка, склонив головку
И глазки опустив, идет смиреннько...
Стыдлива больно!... А и то:
Не приглянулся ли ей барин этот новый?...
Уходит в дом, задумчиво качая головой.

Вторая картина

Комната Татьяны. Поздний вечер. Татьяна в белом ночном платье сидит перед зеркалом. Няня стоит около нее.

Няня

Ну, заболталась я! Пора уж, Таня!
Рано тебя я разбуду к обедне.
Засни скорей!

Татьяна медленно подходит к постели и ложится. Няня, заботливо укрывает ее и направляется к двери.

Татьяна

Не спится, няня: здесь так душно!
Открой окно и сядь ко мне!

Няня, открыв окно, садится на стул рядом с постелью Татьяны.

Няня

Что, Таня, что с тобой?

Татьяна

Мне скучно.
Поговорим о старине.

Няня

О чем же, Таня? Я, бывало,
Хранила в памяти не мало
Старинных былей и небылиц
Про злых духов и про девиц,
А ныне все темно мне стало:
Что знала, то забыла. Да,
Пришла худая чередка!
Зашибло!

Татьяна

Расскажи мне, няня,
Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда?

Няня

И, полно, Таня! В наши лета
Мы не слыхали про любовь,
А то покойница свекровь
Меня бы согнала со света!

Татьяна

Да как же ты венчалась, няня?

Няня

Так, видно, бог велел. Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет,
А было мне тринадцать лет.
Недели две ходила сваха к моей родне,
И, наконец, благословил меня отец.
Я горько плакала со страха,
Мне с плачем косу расплели
И с певьем в церковь повели.
И вот ввели в семью чужую...
Да ты не слушаешь меня!

Татьяна (*обнимая Няню*)

Ах, няня, няня,
Я страдаю, я тоскую,
Мне тошно, милая моя;
Я плакать, я рыдать готова!

Няня

Дитя мое, ты нездорова;
Господь, помилуй и спаси!
Дай окроплю тебя святой водою,
Ты вся горишь...

Татьяна (*нерешительно*)

Я не больна,
Я, знаешь, няня...
Я... влюблена... оставь меня,
Оставь меня: я влюблена...

Няня

Да как же...

Татьяна

Поди, оставь меня одну.
Дай, няня, мне перо, бумагу,
Да стол придвинь; я скоро лягу...

Няня исполняет приказание Татьяны.

Прости!

Няня

Покойной ночи, Таня!

(*Уходит.*)

Татьяна

Пускай погибну я, но прежде
Я в ослепительной надежде
Блаженство томное зову,
Я негу жизни узнаю!
Меня преследуют мечты!
Везде, везде передо мной
Мой искуситель роковой,
Везде, везде он предо мной!

Подходит к письменному столу, садится и несколько времени пишет, потом останавливается.

Нет, все не то! Начну сначала!

(*Рвет письмо.*)

Ах, что со мной! Я вся горю...
Не знаю, как начать!

(*Снова пишет, потом останавливается и
прочитывает написанное.*)

Я к вам пишу, чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать!
Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотела;
Поверьте, моего стыда
Вы не узнали б никогда,
Никогда!

(Откладывает письмо в сторону.)

О да, клялась я сохранить в душе
Признание в страсти пылкой и безумной!
Увы! Не в силах я владеть своей душой!
Пусть будет то, что быть должно со мной!
Ему признаюсь я!
Смелей, он все узнает!

(Пишет.)

Зачем, зачем вы посетили нас?
В глуши забытого селенья
Я б никогда не знала вас,
Не знала б горького мученья.
Души неопытной волненья
Смирив со временем (как звать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы верная супруга
И добродетельная мать...

(Внезапно вставая.)

Другой!
Нет, никому на свете
Не отдала бы сердца я!
То в вышнем суждено совете,
То воля неба: я твоя!
Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой;
Я знаю, ты мне послан богом,
До гроба ты хранитель мой!
Ты в сновиденьях мне являлся,
Незримый, ты уж был мне мил,
Твой чудный взгляд меня томил,
В душе твой голос раздавался!
Давно... нет, это был не сон!
Ты чуть вошел, я вмиг узнала,
Вся обомлела, запылала
И в мыслях молвила: вот он!
Вот он!...
Не правда ль, я тебя слыхала,
Ты говорил со мной в тиши,
Когда я бедным помогала
Или молитвой усаждала тоску души?
И в это самое мгновенье
Не ты ли, милое виденье,
В прозрачной темноте мелькнул,
Приникнув тихо к изголовью,
Не ты ль, с отрадой и любовью,
Слова надежды мне шепнул?

(Подходит к столу и снова начинает писать.)

Кто ты: мой ангел ли хранитель
Или коварный искуситель?
Мои сомненья разреши.
Быть может, это все пустое,

Обман неопытной души,
И суждено совсем иное?...

(Снова встает и ходит в задумчивости.)

Но так и быть!
Судьбу мою отныне я тебе вручаю.
Перед тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю,
Умоляю!
Вообрази: я здесь одна!
Никто меня не понимает!
Рассудок мой изнемогает,
И молча гибнуть я должна!
Я жду тебя, я жду тебя!
Единым словом
Надежды сердца оживи
Иль сон тяжелый перерви,
Увы, заслуженным,
Увы, заслуженным укором.

(Быстро подходит к столу и поспешно дописывает письмо.)

Кончаю! Страшно перечестъ...
Стыдом и страхом замираю,
Но мне порукой ваша честь,
И смело ей себя вверяю.

Татьяна подходит к окну и отдергивает занавеску.
Светаает.

Татьяна
Ах! Ночь минула,
Проснулось все, и солнышко встает.

Слышен наигрыш пастуха.

Пастух играет... спокойно всё...
А я-то! Я-то!

(Задумывается.)

Дверь тихонько открывается, и входит Няня.

Няня *(еще не замечая Татьяны)*

Пора, дитя моё! Вставай!

(Увидев Татьяну.)

Да ты, красавица, готова!
О, пташка ранняя моя!
Вечор уж так боялась я...
Ну, слава богу, ты, дитя, здорова!
Тоски ночной и следу нет,
Лицо твое, что маков цвет!

Татьяна подходит к столу и берет письмо.

Татьяна
Ах, няня, сделай одолженье...

Няня
Изволь, родная, прикажи.

Татьяна
Не думай... право... подозренье...
Но видишь... ах, не откажи!...

Няня
Мой друг, вот бог тебе порукой...

Татьяна
Итак, пошли тихонько внука
С запиской этой к О... к тому...

К соседу, да вели ему, чтоб он
Не говорил ни слова,
Чтоб он, чтоб он не называл меня.

Няня
Кому же, милая моя?
Я нынче стала бестолкова!
Кругом соседей много есть,
Куда мне их и перечестъ,
Кому же, кому же,
Ты толком говори.

Татьяна
Как недогадлива ты, няня!

Няня
Сердечный друг, уж я стара,
Стара, тупеет разум, Таня;
А то, бывало, я востра;
Бывало, бывало,
Мне слово барской воли...

Татьяна
Ах, няня, няня, до того ли!
Что нужды мне в твоём уме,
Ты видишь, няня, дело о письме!

Няня
Ну, дело, дело, дело;
Не гневайся, душа моя,
Ты знаешь: непонятна я.

Татьяна
Что нужды, няня, мне
В твоём уме!
К Онегину, к Онегину!

Няня
Ну, дело, дело! Я поняла!

Татьяна
С письмом к Онегину
Пошли ты внука, няня!

Няня
Ну, ну, не гневайся, душа моя,
Ты знаешь: непонятна я.

(Берет письмо.)

Да что ж ты снова побледнела?

Таня
Так, няня, право, ничего!
Пошли же внука своего!

Няня, взяв письмо, уходит. Татьяна снова погружается в раздумье.

Третья картина

Сад при усадьбе Лариных. Густые кусты сирени и акации, ветхая скамейка, запущенные клумбы. Сенные девушки собирают ягоды.

Девушки
Девушки, красавицы,
Душеньки, подруженьки!
Разыграйтесь, девицы,
Разгуляйтесь, милые!
Затяните песенку,
Песенку заветную,

Заманите молодца
К хороводу нашему!
Как ззаманим молодца,
Как ззавидим издали,
Разбежимтесь, милые,
Закидаем вишеньем,
Вишеньем, малиною,
Красною смородиной!
Не ходи подслушивать
Песенки заветные,
Не ходи подсматривать
Игры наши девичьи.
Девушки, красавицы,
Душеньки, подруженьки,
Разыграйтесь, девицы,
Разгуляйтесь, милые!
Затяните песенку,
Песенку заветную,
Заманите молодца
К хороводу нашему!
Как заманим молодца,
Как ззавидим издали,
Разбежимтесь, милые,
Закидаем вишеньем!

Девушки расходятся по саду.

Не ходи подслушивать
Песенки заветные,
Не ходи подсматривать
Игры наши девичьи.
Не ходи подслушивать
Не ходи подсматривать
Игры наши девичьи.

Быстро вбегает Татьяна и в изнеможении падает на скамью.

Татьяна

Здесь он... здесь Евгений!
О боже, о боже!
Что подумал он?
Что скажет он?
Ах, Для чего,
Стенанью вняв души больной,
Не в силах совладать с собой
Ему письмо я написала!
Да, сердце мне теперь сказало,
Что насмеется надо мной
Мой соблазнитель роковой!
О, боже мой!
Как я несчастна, как я жалка!
Шаги... все ближе...
Да, это он, это он!

Входит Онегин. Таня вскакивает. Онегин подходит к ней. Она опускает голову на грудь.

Онегин

Вы мне писали, не отпирайтесь.
Я прочел души доверчивой признанья,
Любви невинной излишня.
Мне ваша искренность мила!
Она в волненье привела
Давно умолкнувшие чувства.
Но вас хвалить я не хочу,
Я за нее вам отплачу
Признаньем также без искусства.
Примите ж исповедь мою,
Себя на суд вам отдаю!

Татьяна
О боже!
Как обидно и как больно!

Онегин

Когда бы жизнь домашним кругом
Я ограничить захотел,
Когда б мне быть отцом, супругом
Приятный жребий повелел,
То, верно б, кроме вас одной,
Невесты не искал иной.
Но я не создан для блаженства,
Оно чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства,
Их недостойн вовсе я.
Поверьте, совесть в том порукой,
Супружество нам будет мукой.
Я сколько ни любил бы вас,
Привыкнув, разлюблю тотчас,
Судите ж вы, какие розы
Нам заготовит Гименей
И, может быть, на много дней!

(С увлечением.)

Мечтам и годам нет возврата,
Ах, нет возврата,
Не обновлю души моей!...
Я вас люблю любовью брата,
Любовью брата,
Иль, может быть, еще сильней!
Иль, может быть...
Иль, может быть, еще, еще нежней!
Послушайте ж меня без гнева,
Сменит не раз младая дева
Мечтами, мечтами легкие мечты.

Татьяна
Учитесь властвовать собой!
Не всякий вас, как я, поймет,
К беде неопытность ведет.
Онегин подает руку Татьяне,
оба медленно уходят.
Девушки *(вдали)*
Девушки, красавицы,
Душеньки, подруженьки,
Разыграйтесь, девицы,
Разгуляйтесь, милые,

Как заманим молодца,
Как ззавидим издали,
Разбежимтесь, милые,
Закидаем вишеньем.
Не ходи подслушивать,
Игры наши девичьи.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Первая картина

Зал в доме Лариных. Бал в день именин Татьяны. Молодежь танцует. Старики сидят группами, любясь танцами. Татьяна, Ольга, Онегин и Ленский принимают участие в танцах.

Гости

Вот так сюрприз,
Никак не ожидали
Военной музыки,

Веселье хоть куда!
Давно уж нас
Так не угощали!
На славу пир!
Не правда ль, господа!

Пожилые помещики

Уж давно нас
Так не угощали!
Пир на славу,
Не правда ль, господа?

Маменьки

Браво, браво, браво, браво,
Вот так сюрприз нам,
Браво, браво, браво, браво, браво,
Славный сюрприз для нас.

Пожилые помещики

В наших поместьях не часто встречаем
Бала веселого радостный блеск,
Только охотой себя завлекаем,
Люб нам охотничий гомон и треск.

Маменьки

Ну, уж веселье: день целый летают
По дебрям, полянам, болотам, кустам!
Устанут, зялягут и все отдыхают,
И вот развлеченье для бедных всех дам!
Для бедных всех дам!

Барышни *(окружая Ротного)*

Ах, Трифон Петрович,
Как милы вы, право,
Мы так благодарны вам...

Ротный

Полноте-с...
Я сам очень счастлив!

Барышни

Попляшем на славу мы!

Ротный

Я тоже намерен,
Начнемте ж плясать!

Онегин танцует с Татьяной. Остальные танцующие приостанавливаются — и все наблюдают за танцующей парой.

Маменьки

Гляньте-ка! Гляньте-ка!
Танцуют пижоны.
Давно уж пора бы...
Ну, женишок!
Как жалко Танюшу!
Возьмет ее в жены
И будет тиранить!
Он, слышно, игрок!

Онегин, окончив тур, кланяется Татьяне и проходит мимо маменек, прислушиваясь к их разговору.

Он неуч страшный, сумасбродит,
Он дамам к ручке не подходит,

Он фармазон, он пьет одно
Стаканом красное вино!

Онегин

И вот вам мненье!
Наслушался довольно
Я разных сплетен мерзких!
Поделом мне всё это!
Зачем приехал я
На этот глупый бал?
Зачем?

Я не прошу Владимиру услугу эту —
Буду ухаживать за Ольгой,
Взбешу его порядком!

Ольга проходит мимо, за нею идет Ленский.

Вот она!

(Приглашает Ольгу на вальс.)

Прошу вас!

Ленский *(Ольге)*

Вы обещали мне теперь!

Онегин *(Ленскому)*

Ошибся, верно, ты!

(Танцует с Ольгой)

Ленский

Ах! Что такое!
Глазам не верю!
Ольга!
Боже, что со мной!

Гости

Пир на славу!
Вот так сюрприз!
Пир на славу!
Вот так сюрприз!
Вот так угощенье!
Вот так угощенье!
Веселье хоть куда!
Веселье хоть куда!
Пир на славу!
Вот так сюрприз,
Никак не ожидали
Военной музыки!
Веселье хоть куда!

Пожилые помещики

Уж давно нас
Так не угощали!
Пир на славу!
Не правда ль, не правда ль?

Маменьки

Браво, bravo, bravo, bravo!
Вот так сюрприз нам,
Браво, bravo, bravo, bravo!
Не правда ль?

Гости

На славу пир, не правда ль?
Да! Военной музыки
Никак не ожидали мы!
Пир на славу, на славу, на славу!

Веселье, веселье хоть куда!
Пир на славу! Да, на славу!

Ленский подходит к Ольге, только что закончившей танцевать с Онегиным.

Ленский

Ужель я заслужил от вас
Насмешку эту?
Ах! Ольга, как жестоки вы со мной!
Что сделал я?

Ольга

Не понимаю, в чем виновата я!

Ленский

Все экосезы, все вальсы
С Онегиным вы танцевали!
Я приглашал вас,
Но был отвергнут!

Ольга

Владимир, это странно,
Из пустяков ты сердиться!

Ленский

Как! Из-за пустяков!
Ужели равнодушно я видеть мог,
Когда смеялась ты, кокетничая с ним!
К тебе он наклонялся и руку жал тебе.
Я видел всё!

Ольга

Все это пустяки и бред,
Ревнуешь ты напрасно,
Мы так болтали с ним,
Он очень мил!

Ленский

Даже мил!
Ах, Ольга, ты меня не любишь!

Ольга

Какой ты странный!

Подходит Онегин.

Ленский

Ты меня не любишь!
Котильон со мной танцуешь ты?

Онегин

Нет, со мной!
Не правда ль, слово вы мне дали?

Ольга

И сдержу я слово!

(Ленскому)

Вот вам наказанье за ревность вашу!

Ленский

Ольга!

Ольга

Ни за что!

В зале показывается Трике, окруженный барышнями.

(Онегину)

Глядите-ка,
Все барышни идут сюда с Трике.

Онегин

Кто он?

Ольга

Француз, живет у Харликова!

Онегин и Ольга уходят

Барышни

Monsieur Трике, monsieur Трике!
Chantez, de grâce, un couplet!

Трике

Couplet имеет я с тобой.
Но где, скажите, mademoiselle?
Он должно быть передо мной!
Car le couplet est fait pour elle!

Две барышни вводят Татьяну

Барышни

Вот она! Вот она!

Трике

Voilà,
Voilà, царица этот день!
Mesdames! Я будит начинай!
Прошу теперь мне не мешай!

Татьяну ставят в середине круга, образуемого гостями.

(Трике поет куплеты, обращаясь к ней.)

Какой прекрасный этот день,
Когда в сей деревенский сень
Просыпался belle Tatiana.
И ми приехали сюда,
Девниц, и дам, и господа,
Посмотреть, как расцветай она!
Ви роза, ви роза, belle Tatiana!
Ви роза,
Ви роза, ви роза,
Ви роза, belle Tatiana!

Гости

Браво! Bravo!
Браво, monsieur Трике!
Куплет ваш превосходен
И очень, очень мило спет!

Трике

Желаем много быть счастливым,
Бить вечно фея de ces rives,
Никогда не быть скучна, больна!
И пусть среди своих bonheurs,
Не забывают свой serviteur
И все своих подруг она!
Ви роза, ви роза,
Ви роза, belle Tatiana!
Ви роза, ви роза,
Ви роза, belle Tatiana!

Кончив куплет, Трике преподносит текст Татьяне.

Гости

Браво, Bravo!
Браво, monsieur Трике!
Куплет ваш превосходен
И очень, очень мило спет!

Ротный

Messsieurs! Mesdames!
Места занять извольте!
Сейчас начнется котильон!
Пожалуйте!

Ротный подает руку Татьяне, Онегин — Ольге.
Все танцуют. Ленский мрачный стоит в стороне.
Онегин, протанцевав тур с Ольгой, подходит к Ленскому.

Онегин

Ты же танцуешь, Ленский?
Чайльд Гарольдом стоишь каким-то!
Что с тобой?

Ленский

Со мной? Ничего.
Любуюсь я тобой,
Какой ты друг прекрасный!

Онегин

Каково?
Не ожидал признанья я такого!
За что ты дуешься?

Ленский

Я дююсь? О, нимало!
Любуюсь я, как слов своих игрой
И светской болтовней
Ты кружишь головы
И девочек смущаешь
Покой душевный.
Видно для тебя
Одной Татьяны мало,
Из любви ко мне
Ты, верно, хочешь
Ольгу погубить,
Смутить ее покой,
А там смеяться
Над нею же.
Ах! Как честно это!

Онегин

Что? Да ты с ума сошел!

Ленский

Прекрасно!
Меня ж ты оскорбляешь,
И меня же ты зовешь
Помешанным!

Танцы прекращаются. Все наблюдают за спорящими.

Гости

Что такое?
В чем дело там?
Что такое?

Ленский

Онегин!
Вы больше мне не друг!
Быть близким с вами

Я не желаю больше!
Я... я презираю вас!

Гости

Вот неожиданный сюрприз,
Какая ссора закипела,
У них пошло не в шутку дело.

Онегин *(отводя Ленского в сторону)*

Послушай, Ленский,
Ты не прав, ты не прав.
Довольно нам привлекать вниманье
Нашей ссорой!
Я не смутил еще ничей покой
И, признаюсь, желанья не имею
Его смущать.

Ленский

Тогда зачем же ты ей руку жал,
Шептал ей что-то?
Краснела, смеялась, она!
Что, что ты говорил ей?

Онегин

Послушай, это глупо,
Нас окружают!

Ленский

Что за дело мне!
Я вами оскорблен
И сатисфакции я требую!

Гости

В чем дело?
Расскажите, расскажите, что случилось?

Ленский

Просто... я требую,
Чтоб господин Онегин
Мне объяснил свои поступки!
Он не желает этого,
И я прошу его принять мой вызов!

Ларина

(пробираясь через толпу и обращаясь к Ленскому)

О боже! В нашем доме!
Пощадите, пощадите!

Ленский

В вашем доме!...
В вашем доме!...
В вашем доме, как сны золотые,
Мои детские годы текли!
В вашем доме вкусил я впервые
Радость чистой и светлой любви!

Гости

Но сегодня узнал я другое,
Я изведаль, что жизнь —
не роман,
Честь — лишь звук, дружба —
слово пустое,
Оскорбительный, жалкий обман,
Да, оскорбительный, жалкий
обман.

Вместе

Онегин

Наедине с своей душой
Я не доволен сам собой.
Над этой страстью робкой,
нежной
Я слишком пошутил небрежно.
Всем сердцем юношу любя,
Я б должен, я б должен
Показать себя не мячиком
предрассуждений,
Но мужем с честью и умом.

Вместе

Татьяна

Потрясена я, ум не может
Понять Евгения, тревожит,
Меня тревожит ревнивая
тоска...

Гости

Бедный Ленский!

Татьяна

Ах! Терзает мое сердце тоска!
Как холодная чья-то рука,
Она мне сжала сердце
Больно так, жестоко!

Гости

Бедный юноша!

Онегин

Я слишком пошутил небрежно!

Ленский

Я узнал здесь, что дева красую
Может быть, точно ангел, мила
И прекрасна, как день,
Но душою... но душою...
Точно демон, коварна и зла!

Гости

Ужель теперь, вослед веселью,
Их ссора кончится дуэлью?
Но молодежь так горяча,
Они решают всё сплеча,
Они решают всё сплеча!
Ах! Молодежь так горяча!
Без ссоры не могут ни часу остаться,
Повздорят, поспорят,
Сейчас же и драться готовы!
Ужель теперь вослед веселью
Их ссора кончится дуэлью,
Их ссора кончится дуэлью!

Онегин

К услугам вашим я.
Довольно! Выслушал я вас.
Безумны вы, безумны вы!
И вам урок послужит к исправленью!

Ленский

Итак, до завтра!
Посмотрим, кто кого проучит!
Пускай безумец я, но вы...
Вы — бесчестный соблазнитель!

Онегин
Замолчите, иль я убью вас!

Гости (*удерживая Ленского и Онегина*)
Что за скандал, мы не допустим
Дуэли меж ними, кровавой расправы,
Их просто отсюда не пустим,
Держите, держите, держите!
Да их просто из дому не пустим,
Не пустим!

Ольга
Владимир, успокойся, умоляю!

Ленский
Ах, Ольга, Ольга!
Прощай навек!

Гости
Быть дуэли!
Ленский убегает, Онегин тоже поспешно уходит.
Ольга бежит вслед за Ленским, но падает в об-
морок. Общее смятение.

Вторая картина
Близ водяной мельницы на берегу реки. Зима. Раннее
утро. Ленский сидит задумчиво на камне. Зарец-
кий ходит в нетерпенье.

Зарецкий
Ну, что же,
Кажется, противник ваш не явился?

Ленский
Явится сейчас.

Зарецкий
Но все же это странно мне немножко,
Что нет его.
Седьмой ведь час!
Я думал, что он ждет уж нас!

Уходит за мельницу.
Ленский (*продолжая сидеть в задумчи-
вости*)

Куда, куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?
Что день грядущий мне готовит?
Его мой взор напрасно ловит;
В глубокой тьме таится он!
Нет нужды; прав судьбы закон!
Паду ли я, стрелой пронзенный,
Иль мимо пролетит она —
Все благо: бдения и сна
Приходит час определенный;
Благословен и день забот,
Благословен и тьмы приход!
Блеснет завтра луч денницы
И заиграет яркий день,
А я, быть может, я гробницы
Сойду в таинственную сень!
И память юного поэта
Поглотит медленная Лета.
Забудет мир меня,
Но ты! Ты, Ольга...
Скажи, придешь ли, дева красоты,
Слезу пролить над ранней урной
И думать: он меня любил!
Он мне единой посвятил
Рассвет печальный жизни бурной!

Ах, Ольга, я тебя любил,
Тебе единой посвятил
Рассвет печальный жизни бурной,
Ах! Ольга, я тебя любил!...
Сердечный друг, желанный друг,
Приди, приди, желанный друг,
Приди, я твой супруг,
Приди, я твой супруг.
Приди, приди!
Я жду тебя, желанный друг,
Приди, приди, я твой супруг!...
Куда, куда, куда вы удалились,
Весны моей, весны моей
Златые дни?

К Ленскому подходит Зарецкий.
Зарецкий

А, вот они!
Но с кем же ваш приятель?
Не разберу!

Входят Онегин и его слуга Гильо, несущий
пистолеты.

Онегин
Прошу вас извиненья!
Я опоздал немного!

Зарецкий

Позвольте!
Где же ваш секундант?
В дуэлях классик я, педант;
Люблю методу я из чувства,
И человека растянуть
Позволю я не как-нибудь,
Но в строгих правилах искусства,
По всем преданьям старины!

Онегин

Что похвалить мы вас должны!...
Мой секундант? Вот он — топсіеуг Гильо!
Я не предвижу возражений
На представление мое:
Хоть человек он неизвестный,
Но уж, конечно, малый честный.

(Ленскому.)

Что ж, начинать?

Ленский

Начнем, пожалуй.

Зарецкий отходит с Гильо в сторону для пере-
говоров об условиях дуэли. Ленский и Онегин
в ожидании, не глядя друг на друга.

Ленский и Онегин

Враги!
Давно ли друг от друга
Нас жажда крови развела?
Давно ли мы часы досуга,
Трапезу, и мысли, и дела
Делили дружно?
Ныне злобно,
Врагам наследственным подобно,
Мы друг для друга в тишине
Готовим гибель хладнокровно.
Ах! Не засмеяться ль нам, пока

Не обагрилася рука,
Не разойтись ли полюбовно?
Нет, нет, нет, нет!

Зарецкий разводит противников и подает им писто-
леты.

Зарецкий

Теперь сходитесь!

Три раза хлопает в ладоши. Противники делают четыре
шага вперед. Выстрел. Ленский падает. Зарец-
кий и Онегин подбегают к нему.

Онегин

Убит?

Зарецкий

Убит!

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ Первая картина

Бал в богатом доме в Петербурге. Гости танцуют поло-
нез. По окончании танца гости усаживаются. Другие
образуют группы и разговаривают между собой.
Онегин проходит по залу и останавливается у стены.

Онегин

И здесь мне скучно!
Блеск и суета большого света
Не рассеют вечной, томительной тоски!
Убив на поединке друга,
Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов,
Томясь бездействием досуга,
Без службы, без жены, без дел,
Себя занять я не сумел!
Мной овладело беспокойство,
Охота к перемене мест, —
Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест!
Оставил я свои селенья,
Лесов и нив уединенье,
Где окровавленная тень
Ко мне являлась каждый день!
Я начал странствия без цели,
Доступный чувству одному...
И что ж? К несчастью моему,
И странствия мне надоели!
Я возвратился — и попал,
Как Чацкий, с корабля на бал!

Гости танцуют. Входит князь Греммин под руку
с Татьяной.

Гости

Княгиня Греммина!
Смотрите, смотрите!

Татьяна садится в кресла и беседует с группой
гостей.

Которая?
Сюда взгляните!
Вон та, что села у стола,
Беспечной прелестью мила!

Онегин пристально всматривается в Татьяну.

Онегин

Ужель Татьяна? ... Точно! ... Нет!
Как! Из глуши степных селений?
Не может быть... Не может быть...

И как проста, как величава,
Как небрежна!...
Царницей кажется она!

Татьяна

(*обращаясь к окружающим, указывая взгля-
дом на Онегина, к которому подошел князь
Греммин*)

Скажите, кто это... там, с мужем?
Не разгляжу!

Гости

Чудак притворный,
Печальный, странный сумасброд.
В чужих краях он был... И вот
Вернулся к нам теперь Онегин!

Татьяна

Евгений?

Гости

Он известен вам?

Татьяна

Сосед он по деревне нам.

(*В сторону.*)

О боже, помоги мне скрыть
Души ужасное волнение!

Онегин (*Греммину*)

Скажи мне, князь, не знаешь ты,
Кто там в малиновом берете
С послом испанским говорит?

Греммин

Ага! Давно ж ты не был в свете!
Постой, тебя представлю я.

Онегин

Да кто она?

Греммин

Жена моя.

Онегин

Так ты женат? Не знал я ране.
Давно ли?

Греммин

Около двух лет.

Онегин

На ком?

Греммин

На Лариной.

Онегин

Татьяне?

Греммин

Ты ей знаком?

Онегин

Я им сосед...

Греммин

Любви все возрасты покорны:
Ее порывы благотворны
И юноше в расцвете лет,
Едва увидевшему свет,
И закаленному судьбой
Бойцу с седою головой.
Онегин, я скрывать не стану:
Безумно я люблю Татьяну!
Тоскливо жизнь моя текла...
Она явилась и зажгла,
Как солнца луч среди ненастья,
Мне жизнь и молодость,
Да, молодость и счастье!
Среди лукавых, малодушных,
Шальных, балованных детей,
Злодеев и смешных, и скучных,
Тупых, привязчивых судей,
Среди кокеток богомольных,
Среди холмопьев добровольных,
Среди вседневных модных сцен,
Учтивых, ласковых измен,
Среди холодных приговоров
Жестокосердной суеты,
Среди досадной пустоты
Расчетов, дум и разговоров, —
Она блистает, как звезда во мраке ночи,
В небе чистом,
И мне является всегда
В сиянье ангела,
В сиянье ангела лучистом!...
Любви все возрасты покорны:
Ее порывы благотворны
И юноше в расцвете лет,
Едва увидевшему свет,
И закаленному судьбой,
Бойцу с седою головой.
Онегин, я скрывать не стану:
Безумно я люблю Татьяну!
Тоскливо жизнь моя текла...
Она явилась и зажгла,
Как солнца луч среди ненастья,
И жизнь, и молодость,
Да, молодость и счастье,
И жизнь, и молодость, и счастье!

Итак, пойдем, тебя представлю я!

(*Греммин подводит Онегина к Татьяне.*)

Мой друг, позволь тебе представить
Родно и друга моего, Онегина!

Онегин низко кланяется Татьяне.

Татьяна (*Онегину*)

Я очень рада...
Встречались прежде с вами мы!

Онегин

В деревне... да... давно!

Татьяна

Откуда?
Уж не из наших ли сторон?...

Онегин

О, нет! Из дальних странствий
Я возвратился

Татьяна

И давно?

Онегин

Сегодня.

Татьяна (*Гремину*)

Друг мой, устала я!

Татьяна, опираясь на руку Греммина, уходит,
отвечая на поклоны. Онегин провожает ее глазами.

Онегин

Ужель та самая Татьяна,
Которой я наедине,
В глухой, далекой стороне,
В благом пылу нравоченья
Читал когда-то наставленья?
Та девочка, которой я
Пренебрегал в смиренной доле?
Ужели то она была?
Так равнодушна, так смела!
Но что со мной? Я как во сне!
Что шевельнулось в глубине
Души холодной и ленивой?
Досада? ... Суетность? ... Или вновь
Забота юности — любовь? ...
Увы, сомненья нет, — влюблен я;
Влюблен, как мальчик, полный страсти юной!
Пускай погибну я, но прежде
Я в ослепительной надежде
Вкушу волшебный яд желаний,
Упысью несбыточной мечтой!
Везде, везде он предо мной,
Образ желанный, дорогой,
Везде, везде он предо мною!

Онегин быстро уходит.

Вторая картина

Гостиная в доме князя Греммина. Входит Татьяна
с письмом в руке.

Татьяна

О, как мне тяжело! Опять Онегин
Стал на пути моем, как призрак беспощадный!
Он взором огненным мне душу возмутил,
Он страсть заглушную так живо воскресил,
Как будто снова девочкой я стала,
Как будто с ним меня ничто не разлучало!...

(*Плачет.*)

Входит Онегин и, увидев плачущую Татьяну,
быстро подходит к ней и падает на колени.

Татьяна

Довольно, встаньте!...
Я должна вам объясниться откровенно.
Онегин, помните ль тот час,
Когда в саду, в аллее нас судьба свела,
И так смиренно урок ваш выслушала я!

Онегин

О, сжальтесь... Сжальтесь надо мною:
Я так ошибся, я так наказан!

Татьяна

Онегин, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила вас... Но что же,
Что в вашем сердце я нашла?
Какой ответ? Одну суровость!
Не правда ль, вам была не новость
Смирненной девочки любовь?
И нынче — боже! — стынет кровь,
Как только вспомню взгляд холодный
И эту проповедь!...
Но вас я не виню:
В тот страшный час вы поступили благородно.
Вы были правы предо мной,
Тогда — не правда ли? — в пустыне,
Вдали от суетной молвы,
Я вам не нравилась... Что ж ныне
Меня преследуете вы?
Зачем у вас я на примете?
Не потому ль, что в высшем свете
Теперь являться я должна,
Что я богата и знатна,
Что муж в сраженьях изувечен,
Что нас за то ласкает двор?
Не потому ль, что мой позор
Теперь бы всеми был замечен
И мог бы в обществе принести
Вам соблазнительную честь?

Онегин

Ах! О боже! Ужель,
Ужель в мольбе моей смиренной
Увидит ваш холодный взор
Затеи хитрости презренной?
Меня терзает ваш укор!
Когда б вы знали, как ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать и разумом всечасно
Смирять волнение в крови;
Желать обнять у вас колени
И, зарыдав, у ваших ног
Излить мольбы, признанья, пени,
Всё, всё, что выразить бы мог!

Татьяна

Я плачу!

Онегин

Плачьте! Эти слезы
Дороже всех сокровищ мира!

Татьяна

Ах!
Счастье было так возможно,
Так близко, так близко!

Татьяна и Онегин

Ах! Счастье было так возможно,
Так близко, так близко, близко!

Татьяна

Но судьба моя уж решена,
И безвозвратно!
Я вышла замуж. Вы должны,
Я вас прошу меня оставить!

Онегин

Оставить?! Оставить?! Как, вас оставить?!
Нет! Нет! Поминутно видеть вас,
Повсюду следовать за вами,
Улыбку уст, движенье глаз
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вам долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Пред вами в страстных муках замирать,
Бледнеть и гаснуть — вот блаженство.
Вот одна мечта моя,
Одно блаженство!

Татьяна

Онегин, в вашем сердце есть
И гордость, и прямая часть!

Онегин

Я не могу оставить вас!

Татьяна

Евгений, вы должны,
Я вас прошу меня оставить!

Онегин

О, сжальтесь!

Татьяна

Зачем скрывать, зачем лукавить!
Ах! Я вас люблю!...

Онегин

Что слышу я?!
Какое слово ты сказала?!
О, радость! Жизнь моя!
Ты прежнюю Татьяной стала!...

Татьяна

Нет, нет!
Прошлого не воротить!
Я отдана теперь другому,
Моя судьба уж решена:
Я буду век ему верна!

Онегин

О, не гони! Меня ты любишь,
И не оставляю я тебя;
Ты жизнь свою напрасно сгубишь,
То воля неба: ты моя!
Вся жизнь твоя была залогом
Соединения со мной,
И знай: тебе я послан богом,
До гроба я хранитель твой!
Не можешь ты меня отринуть,
Ты для меня должна покинуть
Постылый дом и шумный свет —
Тебе другой дороги нет!

Татьяна

Онегин! Я тверда останусь:
Судьбой другому отдана,
С ним буду жить и не расстанусь.
Нет, клятвы помнить я должна!
Глубоко в сердце проникает
Его отчаянный призыв,
Но, пыл преступный подавив,
Долг чести суровый, священный
Чувство побеждает!

Онегин

Вместе

Нет, не можешь ты меня
отринуть!
Ты для меня должна покинуть
всё! всё!
Постылый дом и шумный свет —
Тебе другой дороги нет!
О, не гони меня, молю!
Ты любишь меня,
Ты жизнь свою напрасно
сгубишь!
Ты моя, моя навек!

Татьяна

Я удаляюсь.

Онегин

Нет, нет, нет, нет!

Татьяна

Довольно!

Онегин

О, молю: не уходи!

Татьяна

Нет, я тверда останусь!

Онегин

Люблю тебя, люблю тебя!

Татьяна

Оставь меня!

Онегин

Люблю тебя!

Татьяна

Навек прощай!

(Татьяна уходит.)

Онегин

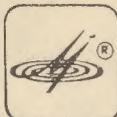
Позор!... Тоска!...
О, жалкий жребий мой!

ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК „МЕЛОДИЯ“
ALL-UNION RECORDS ASSOCIATION „MELODIA“
ASSOCIATION D'ENREGISTREMENT SUR DISQUES
DE L'URSS «MELODIA»
ALLUNIONS-SCHALLPLATTENFIRMA „MELODIJA“

В/О „Международная книга“ СССР Москва
V/O „Mezhdunarodnaya kniga“ SSSR Moskva

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР

ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК

МЕЛОДИЯ

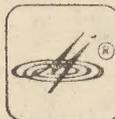
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЗАВОД

МОНО ▽ 33

ГОСТ 5289-80
НД-09377

Гр. 2. 1-00
1(6)

П. Чайковский (1840—1893)
Опера «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»
Вступление. 1 действие. 1 картина
Сцена у Лариных. Б. Амборская (Ларина)
Е. Кругликова (Татьяна), М. Максакова (Ольга)
Ф. Петрова (Няня), Ан. Иванов (Онегин)
И. Козловский (Ленский)
А. Орфенов (Забывало)
Хор и оркестр
Большого театра СССР
Дирижер А. Орлов
Запись 1948 г.

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР

ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМППАСТИНОК

МЕЛОДИЯ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЗАВОД

МОНО ▽33

ГОСТ 5289-80
НД-09378

Гр. 2. 1-00
2(6)

П. Чайковский (1840—1893)
Опера «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»
1 действие, 1 картина (окончание)
1 действие, 2 картина. Сцена письма Татьяны
Б. Амборская, Е. Кругликова, М. Максакова,
Ф. Петрова, Ан. Иванов,
И. Козловский
Оркестр Большого театра СССР
Дирижер А. Орлов

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР

ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК

МЕЛОДИЯ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЗАВОД

МОНО ▽33

ГОСТ 5289-80
НД-09379

Гр. 2. 1-00
3(6)

П. Чайковский (1840—1893)
Опера «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»
1 действие, 2 картина (окончание)
1 действие, 3 картина
Сцена в саду
Е. Кругликова, Ф. Петрова
Ан. Иванов
Хор и оркестр
Большого театра СССР
Дирижер А. Орлов

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР

ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК

МЕЛОДИЯ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЗАВОД

МОНО ▽33

ГОСТ 5289-80

НД-09380

Гр. 2. 1-00

4(6)

П. Чайковский (1840—1893)
Опера «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»
II действие. I картина
Бал у Лариных
Б. Амборская, Е. Кругликова
М. Максакова, Ан. Иванов
И. Козловский
И. Маньшавин (Ротный)
В. Якушенко (Трике)
Хор и оркестр
Большого театра СССР
Дирижер А. Орлов

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР

ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК

МЕЛОДИЯ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЗАВОД

МОНО ▽ 33

ГОСТ 5289-80

НД-09381

Гр. 2. 1-00

5(6)

П. Чайковский (1840—1893)
Опера «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»
II действие. 2 картина. Сцена дуэли
III действие. 1 картина
Бал в Петербурге
Ан. Иванов, И. Козловский
М. Соловьев (Зарецкий)
Оркестр Большого театра СССР
Дирижер А. Орлов

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР

ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК

МЕЛОДИЯ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЗАВОД

МОНО ▽ 33

ГОСТ 5289-80
НД-09382

Гр. 2. 1-00
6(6)

П. Чайковский (1840—1893)
Опера «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»
III действие. 1 картина (окончание)
III действие. 2 картина
Заключительная сцена
Е. Круликова, Ан. Иванов
М. Рейзен (Гремин)
Хор и оркестр
Большого театра СССР
Дирижер А. Орлов